

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 108 (3919)

Вторник,

9

сентября
1958 г.

Цена 40 коп.

Послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. ХРУЩЕВА Президенту США Д. Эйзенхауэру

7 сентября 1958 года первый заместитель Министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов принял Временного поверенного в делах США в СССР Р. Дэвиса и вручил ему для передачи по назначению послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева Президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу о положении в районе Тайваня.

«Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны, — говорится в послании, — это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире».

Глава Советского правительства призывает Соединенные Штаты найти общий язык с тем, чтобы «прекратить нынешнее движение вниз по наклонной плоскости», с тем, чтобы совместными усилиями СССР, США, Китайской Народной Республики и других стран устранить возникшее на Дальнем Востоке напряжение.

Н. С. Хрущев констатирует в послании Д. Эйзенхауэру, что в результате политики США в отношении Китая и особенно действий, предпринимаемых в настоящее время американским правительством в районе китайского острова Тайвань и Тайваньского пролива, на Дальнем Востоке сложилось опасное положение.

Человечество вновь поставлено перед непосредственной угрозой возникновения военного пожара.

В этот ответственный момент правительству Советского Союза обращается к правительству США с призывом проявить благоразумие, не допустить шагов, которые могли бы повлечь за собой непоправимые последствия.

Н. С. Хрущев подчеркивает, что главная причина весьма и весьма опасного положения состоит в том, что США вооруженной силой захватили исконную китайскую территорию — остров Тайвань с островами Пенхуэдао, продолжают оккупировать эти территории, прикрывая эту оккупацию ссылкой на свою поддержку председателя китайского народа Чан Кай-ши, а также пытаются расширить свою агрессию на прибрежные китайские острова.

В послании говорится, что «США стремятся присвоить себе и в этом районе функции некоего мирового жандарма».

Председатель Совета Министров СССР расценивает действия США на Дальнем Востоке как открытую провокацию. Правительство США, заявляет Н. С. Хрущев, пытается помешать освобождению Тайваня, препятствует законным действиям Китайской Народной Республики, направленным на освобождение прибрежных китайских островов, на которых засели чанкайшты.

На Дальнем Востоке, подчеркивается в послании, не может быть прочного мира до тех пор, пока американский военный флот не будет отозван из Тайваньского пролива, пока американские солдаты не покинут китайский остров Тайвань и не уйдут домой.

Касааясь практики перебрасывания Соединенными Штатами военных флотов и авиационных соединений из одного конца земного шара в другой, Н. С. Хрущев ставит вопрос — не следует ли обдумать это в ООН и принять решение, запрещающее державам заниматься подобным перебранием в целях шантажа и запугивания, и о том, чтобы эти силы держались в пределах своих национальных границ.

Вместе с тем Председатель Совета Министров СССР отмечает, что такая переборка в значительной мере лишаетсь ныне всякого смысла — по крайней мере в отношении государств, располагающих современными видами оружия.

Н. С. Хрущев заявляет в своем послании, что правительство США, не имея на это никаких прав, позволяет себе самочинно устанавливать границы своих интересов и сферы операций своих вооруженных сил на территории Китая. Такие действия, подчеркивает Н. С. Хрущев, невозможно квалифицировать иначе, как агрессивные.

Нынешняя политика США в отношении Китая, говорится в послании главы Советского правительства Президенту Эйзенхауэру, осложняет решение многих важных международных вопросов и серьезным образом мешает нормальной деятельности ООН как международной организации, призванной охранять мир.

Н. С. Хрущев подчеркивает, что от дальнейшей деятельности правительства США полностью зависит, будет ли на Дальнем Востоке царить мир или этот район будет продолжать оставаться опасным очагом войны.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

5 сентября 1958 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум ЦК обсудил вопрос о созыве внеочередного XXI съезда КПСС для рассмотрения контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. и принял соответствующее постановление.

Пленум ЦК освободил т. Булганина Н. А. от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС.

Двадцать первый съезд партии

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза принял постановление о созыве 27 января 1959 года внеочередного XXI съезда КПСС. В повестке дня съезда — «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.». Докладчиком по этому вопросу утвержден Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев. В печати будут опубликованы тезисы доклада о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959—1965 гг.

Пленум ЦК КПСС решил провести в декабре 1958 года и первой половине января 1959 года областные, краевые партийные конференции и съезды компартий союзных республик для выборов делегатов на XXI съезд КПСС и обсуждения тезисов доклада о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.

С огромным воодушевлением встретил наш народ это сообщение. Оно вызвало у советских тружеников новый прилив творческой энергии. Советские люди знают, что планы партии — это всегда планы народа. На протяжении многих десятилетий съезды КПСС являлись собой исторические вехи, всегда были выдающимися событиями в жизни партии и страны, в развитии международного коммунистического и рабочего движения.

Неопишимо значение имел XX съезд КПСС. Его исторические решения стали программным документом не только для Коммунистической партии Советского Союза и коммунистического строительства в СССР, — они положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма.

Центральный Комитет нашей партии неуклонно и последовательно восстанавливает ленинские нормы партийной жизни. Великий вождь и учитель всех трудящихся, основатель партии большевиков Владимир Ильич Ленин придавал исключительно важное значение партийным съездам в обсуждении и решении наиважнейших общепартийных и общенародных задач борьбы за победу социализма. Ленинский Центральный Комитет, из года в год направляя усилия партии и народа на претворение в жизнь решений XX съезда, всегда выносит на широчайшее обсуждение народа важнейшие вопросы коммунистического строительства. Достаточно вспомнить пленумы ЦК, прошедшие после XX съезда КПСС, чтобы со всей глубиной представить широту и величие ленинской генеральной линии развития Советской страны, ее победоносное движение по пути к коммунизму.

Ныне весь мир видит, какой гигантский шаг совершила после XX съезда КПСС наша экономика, наука и культура. По производству промышленной продукции наша Родина оставила позади все капиталистические страны Европы. Теперь перед нами задача — отнять Соединенные Штаты Америки. В этом мировом соревновании Советский Союз добился немалых успехов: он уже опережает США не только по темпам роста, но и по приросту производства угля, железной руды, нефти, стали, цемента, чугуна, шерстяных тканей. Мы опередили Соединенные Штаты Америки в темпах роста по выработке электроэнергии, добычи газа, в производстве обуви, по отпуску пока в ежегодном абсолютном приросте этой продукции.

Факт остается фактом: наша страна движется вперед значительно быстрее, чем капиталистические государства. И в этом — великое преимущество социалистической системы хозяйства. В недалеком будущем СССР сумеет превзойти США и по уровню промышленного производства.

Великие достижения советской науки и техники, таковы исторические победы, одержанные под мудрым руководством Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

Еще и еще раз оглядываясь на события последнего периода жизни нашей страны, воодушеваясь в обилии героических дел! Вооруженная марксистско-ленинской теорией, наша партия творчески развивает и обогащает ее. Великий опыт коммунистического строительства! Но ведь на каждом историческом отрезке перед страной встают все новые и новые задачи. Уметь найти главное звено, ухватиться за него, двинуть вперед все дело — вот в чем ленино партией мудрость.

На разных этапах после XX съезда КПСС пленумы Центрального Комитета выдвигали перед страной новые задачи. Шаги и речь о перестройке управления промышленностью и строительством, или о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, или об ускоренном развитии химической промышленности, или об изменении порядка заготовок сельскохозяйственных продуктов, — народ видел в них глубокую правоту партии и ее Центрального Комитета, последовательное проведение ленинской генеральной линии.

ТЕНЬЕРЬ в жизни Советского государства наступает новый исторический период. Еще в докладе на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Никита Сергеевич Хрущев так определил ближайшие задачи нашего роста: «На XX съезде КПСС указывалось на необходимость разработки перспективного плана развития экономики и культуры нашей страны в разрезе нескольких пятилеток. Предварительные наброски некоторых показателей этого плана по ряду важнейших отраслей, над которыми работают наши плановые органы, показывают, какой гигантский шаг вперед может теперь сделать наша страна в развитии своего народного хозяйства».

Цифры, приведенные в докладе Н. С. Хрущева, поражают своим размахом. Нынешними темпами будет развиваться производство промышленной продукции, зерна, животноводства.

Новым этапом строительства коммунизма в нашей стране является план развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. Планирующие органы при составлении проектов и наметок исходили из главной задачи — дальнейшего мощного подъема всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного развития производства средств производства. Именно это и поможет совершить новый крупный шаг вперед в решении основной экономической задачи — в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

ВНЕОЧЕРЕДНОЙ XXI съезд КПСС готовится в дни небывалого экономического подъема нашей страны и всех стран социалистического лагеря. Успехи Советского Союза, Китайской Народной Республики и государств народной демократии, их братское сотрудничество и взаимопомощь ускоряют наше бурное поступательное движение. Рост экономического могущества социалистических стран — надежная гарантия сохранения и укрепления мира, оплат свободы и безопасности народов.

Об этом говорит и сегодняшнее «Послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева Президенту США Д. Эйзенхауэру». Известно, что в результате политики, проводимой США в отношении Китая, и особенно действий, предпринимаемых в настоящее время американским правительством в районе китайского острова Тайвань и Тайваньского пролива, на Дальнем Востоке сложилось опасное положение. Человечество вновь поставлено перед непосредственной угрозой возникновения военного пожара.

Обращаясь в этот ответственный момент к правительству США, правительство Советского Союза призывает его проявить благоразумие, не допустить шагов, которые могли бы повлечь за собой непоправимые последствия.

Угрозы и шантаж не могут запугать китайский народ, у которого есть верные друзья. Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны, — говорится в послании, — это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире».

Как подчеркивает глава Советского правительства, необходимо признать законные права и интересы Китайской Народной Республики и раз навсегда покончить с политикой провокаций и шантажа в отношении китайского народа. От дальнейших действий правительства США полностью зависит — будет ли на Дальнем Востоке царить мир или этот район будет продолжать оставаться опасным очагом войны.

СОВЕТСКИЕ люди живут в решительную эпоху. XXI внеочередной съезд партии — это великая забота о процветании Родины, о кровных интересах народа, о его благосостоянии.

На митингах и собраниях рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция единодушно предлагают развернуть все народное социалистическое соревнование навстречу съезду, выполнить и перевыполнить хозяйственные планы.

В жизни советских писателей эти исторические решения играют огромную роль. Новых героев рождает наша современность. Вдохновлять людей на подвиги во имя построения коммунизма, быть всегда с народом, на стройках, в заводских цехах, на колхозных полях — великий долг советского писателя.

Нашему народу нужны сегодня и раскраски и повести, и романы, и боевые очерки о людях современности, раскрывающие красоту творческого труда, духовный мир строителя коммунизма, его чувства, стремление к неустанным совершенствованию.

Народу нашему нужны произведения, проникнутые лавром современности, великими коммунистическими идеалами.

В прекрасное время живет и творит советский писатель! В тесном единении с народом, под руководством родной Коммунистической партии — вождя и организатора всех наших побед, под победоносным знаменем марксизма-ленинизма будут созданы лучшие произведения советской литературы, достойные нашей великой эпохи.

Нам есть чем гордиться!

МЫ ЖИВЕМ в такое время, когда весь мир внимательно следит за блестящими успехами молодой социалистической цивилизации. Первые советские спутники, в стремительном полете облетающие планету, явились как бы символом того, на что способен человек нового мира, чего могут достичь его могучая воля и мысль, его дерзновенные, осуществляющиеся на наших глазах мечты. Вспоминая наше время, грядущие поколения людей всегда с благодарностью отзовутся о тех, кто в беспечном XX веке, штурмуя космос, в то же время мужественно и последовательно отстаивал жизнь человечества, преграждая путь войнам, путь смертоносным атомным ураганам.

Благородная борьба за мир, являясь делом всего человечества, неразрывно связана с именем ленинской партии коммунистов так же, как с именем партии связано настоящее и будущее советского народа, само счастье советских людей.

Разностной и волнующей являлась для нас весть, протешившая ныне над просторами нашей многонациональной Родины, весть о том, что созывается XXI внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. Каждый коммунист, каждый советский человек с глубоким одобрением встретил постановление Пленума о созыве этого съезда, который обсудит планы развития народного хозяйства и культуры на ближайшие семь лет.

Всем нам бесконечно дорого то, что дал нам XX съезд партии, что дали народу его проникнутые подлинно ленинским духом решения. Мы, литераторы, хорошо помним, какой могучий прилив творческих сил вызвали в народе исторические решения XX съезда, начертанные им грандиозные перспективы развития жизни наших народов, жизни социалистического общества.

С уверенностью можно сказать, что все лучшее, чего достигли наши люди в своем труде, в науке, в искусстве, все значительное, что создано за последние годы в литературе, — появилось прежде всего благодаря той исключительно благоприятной для творчества атмосфере, которую почувствовали люди творческого труда после XX съезда партии.

И вот мы накануне нового партийного съезда. Навстречу важнейшему событию нашей жизни — XXI съезду КПСС народы Советской страны идут в полном расцвете своих творческих сил, идут, ведомые партией, воодушевленные ее идеями. Есть чему радоваться нам, есть чем гордиться советскому человеку! Разве не заманительно, что вместе с сообщением о созыве внеочередного съезда радио принесло нам весть о пуске новой атомной электростанции, а также сообщение о том, что молодежь Украины завершила строительство новой, самой крупной в СССР доменной печи «Криворожская-комсомольская».

Новые шахты, возведенные руками молодежи, золотые моря целинного хлеба, уходящие ввысь ракеты и спутники, несущиеся вокруг планеты, — во всем этом воплощение могучая созидательная сила народа, его творческий гений, смелость его мечты.

Партия — вот наш вдохновитель! В ней народ видит вождя и организатора всех наших побед.

Грандиозные события наших дней, героическая борьба народов за построение нового общества на земле, романтика покорения природы и межпланетных странствий не могут не вызывать в жизни высокие художественные произведения литературы, музыки, живописи, скульптуры. Современность наша настолько ярка, содержательна, богата, дела нашего народа настолько величественны, что ни один по-настоящему одаренный и честный художник не может остаться к ним равнодушным.

О своем народе, о родной своей партии советская литература — литература братских социалистических наций — должна сказать достойное слово, и она это слово скажет.

Э. М. БУКОВ

Олеся ГОНЧАР

Знакомый «почерк» агрессоров

ЖЕРЛО пушки черной орбитой устремлено в цель. Прямая наводка. Узнаем взгляд и узнаем руку. Все та же рука, которая два месяца назад надела брешь на земли Ближнего Востока. Над британской заставой самолеты с атомными бомбами. На Корею сбрасывали напалм. На Индонезию послала незадачливый летчик Поула. В Кубу — солдат. В Гватемалу — заговорщиков.

«Почерк», знакомый всему миру. В знак «дружбы» эта рука протягивается с оружием, в знак недовольства — с оружием. Ко всему миру — с оружием. Давно известно, как это делается. Корабль, самолеты, солдаты, пушки рука эта направляет через океан. Потом — маневры у чужих берегов и границ, в боевой готовности бороздят чужие воды линкоры и подводные лодки, не смежая, гуляет в воздухе самолеты, танки, подминают пыльные смерчи. Потом объявляется, будто тем, кто посылает все эти корабли и «воиска, грозит смертельная опасность. «Линии обороны», защита цивилизации и свободы, «косвенная агрессия» — вся эта нехитрая словесная маскаровка большого бизнеса, давно уже ставшего авантюрой, давно уже осточертелый мирным людям на всех континентах.

На этот раз сцена разыгрывается еще более откровенно, но ничуть не более оригинально. Чужая пушка смотрит на китайский берег с китайского же острова Циньминьдао. Не только смотрит, — стреляет. Чан Кай-ши устами своей супруги 3 сентября в Чикаго объявляет, что если остров Циньминьдао будет утрачен, то будет означать начало потери целой цепи стран: Тайвань, Филиппины, Япония, Гаванские острова и Североамериканского континента».

Вот что, оказывается, означает изгнание Китаем бандитов со своего собственного прибрежного острова! Г-жа Чан на этом не закончила. Упала бог! Было бы непорядком не выдрать на себе клоака волос и не поощрять за спиной своей грудью Америку. «Со всей скромностью я заявляю, — провозглашает эта госпожа, — что мы будем непоколебимо стоять на переднем линии в качестве заслона свободного мира».

И что же — истерика смуглая государственных мужей? Они сконфузились? Застенчивости? Шепнула швейцару, чтобы тот поскорее убрал госпожу на кухню! Ничуть не бывало. Она выражает их собственный образ мыслей, и ее супруг уже давным-давно находится на содержании у этих государственных мужей. Вот уже поистине: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Однако всему приходит конец. Идет терять враг один американец, один прищип, один тезисы, — это значит, что растут и крепнут другие идеи, другие убеждения и принципы. Должно быть, и для морали существует закон сохранения количества.

Пушки с острова Циньминьдао стреляют не только по китайскому берегу, — гораздо дальше. Под их гром человечество задумывается над тем, кто же в действительности выступает за осуществление и кто — против? Чьям бизнесом является война? Кто несет миру несчастье и нищету?

Советские люди давно знают это уже давно. Китайцы — тоже давно. Еще раз недавно убедились в этом и врабы. Южноамериканцы тоже знают, — мистер Никсон может это подтвердить, причем вполне компетентно.

«Нью-Йорк таймс» и та смутилась. Выслушав заявление Даллеса, она сочла необходимым заметить, что его тезис «вмешательство и даже возмущение среди некоторых официальных представителей. Они указывают, что если позиция Запада на Дальнем Востоке зависит от удержания националистами двух небольших бесплодных в военном отношении островов, тогда эти позиции, должно быть, значительно слабее, чем признает мистер Даллес».

А безоружный Липман в той же газете вздохнул еще горше: «...Дело рук нашего друга Чан Кай-ши... Мы оказались вовлеченными в поистине обременительный союз».

Не нужно ни таланта, ни каких-то других достоинств, чтобы безобразничать на пороге чужого дома. Расчет примитивен — свой дом далеко, можно испытать терпение хозяина.

Да, китайцы терпеливый народ. Но всему есть предел. И разве агрессорам не известны другие способы характера великого народа — его мужество и достоинство, его приверженность к справедливости, его непоколебимая вера в свое светлое будущее?

Разве не известно агрессорам, что во всем мире не найдут они поддержки безумным замыслам, в то время как народный Китай пользуется признанием прогрессивного человечества?

Разве допускает кто-то мысль, что в решительный момент Советский Союз оставит своих искренних друзей без поддержки? А если все это так, — значит истерией уже предпрещен провал этой новой авантюры.

С. ЗАЛЫГИН

ВСЕ ТАЛАНТ — НАШЕМО СЕГОДНЯ!

...120 МИЛЛИОНОВ тонн стали, 750 миллионов тонн угля, 900 миллиардов киловатт-часов электроэнергии... И все это — уже зримо. Дух захватывает от великого темпа нашего движения вперед. Казалось бы, совсем недавно приняты исторические решения XX съезда, а сколько сделано, сколько завоевано — не перечислишь! И вот новый бросок вперед.

это — в той Молдавии, где до Советской власти не было ни одного крупного промышленного предприятия. А наши колхозы, большинство которых стало миллионами, — разве не показатель великого роста?

Прекрасно наше сегодня, но наше завтра — еще великодушнее. Оно будет, оно уже создается руками, энтузиазмом, творчеством советских людей, создается под руководством партии. Вместе со своим народом, в первых его рядах должны работать и мы, писатели. У нас немало еще долгов перед народом, а жизнь большими шагами уходит вперед, открывает все новые и новые горизонты.

Эти горизонты необятны. Мы не должны, мы не можем отставать от жизни нашего гиганта-народа. Нашему сегодня, теме современности — все наше внимание, весь талант!

На снимке: одно из чанкайштыских орудий на острове Циньминьдао, ведущее обстрел континентального Китая. Фото из западногерманской газеты «Юрбургер нахрихтен»

СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ ПСКОВА

В ЗАЩИТУ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ
КОЛЫБЕЛЬ земли русской — древний Псков... У него свое, неповторимое лицо. Вот цветут сады на его пещелищах, протянулись по берегам реки Великой кварталы многоквартирных жилых зданий. Рядом со стрелой подъемного крана высится старинная звонница, в просвете между новыми домами сверкает золоченая макушка древнего храма, по соседству с электростанцией стоит средневековая башня.

Псковичи, влюбленные в свой город, чтят его седины и старый Кремль, и крепостные стены, и монастыри — свидетельства дивного искусства наших предков.

Среди других старинных русских городов Псков особенно дорог и ценен тем, что он охватывает собой не отдельные памятники искусства, а богатейший их ансамбль, с ясными чертами древней планировки и даже сохранившейся стеной Окольного города.

В самом центре стоит памятник XVI века — «Сергий с Залужья».

Пересекая прямой и широкий Пролетарский бульвар, входим во двор, берег барьеры из поленами дров, обгibaем мусорные ямы, ныряем под бельевые веревки и... застаем в недоумении. Это «Сергий с Залужья»? В стенах зияют проломы. Только один придел отреставрирован, оштукатурен и побелен: в нем предпринимчивый частник построил себе гараж.

Что-то рядом должна быть церковь «Старое Вознесение». Приближаемся к ней сейчас невозможно — место обстроено со всех сторон, само «Вознесение» заброшено. Оставалось горько поговорить на strane случайности в плане застройки города. Но если бы это были только случайности...

Перед самым входом в псковский Кремль, на бывшем Ябляком дворе, строится новый кинотеатр. Менее удачное место, кажется, трудно и выбрать. Мало того, что кинотеатр загорает Кремль и выходит на площадь огромной стеной, о которой уже теперь заботятся, чем бы ее прикрыть. Кинотеатр сооружается как раз на перекрестке трех шоссе, движение машин так велико, что пешеходы стремятся быть от него подальше. Но мысли товарищей из горсовета, которые, видимо, находят, что «памятники старины» и «перехитки старины» суть одно и то же, кинотеатр — очаг культуры — возводится именно здесь, перед уникальнейшим псковским Кремлем, чтобы наглядно противопоставить...

В первой половине XVI века на высоком берегу реки Великой, вскоре после присоединения Пскова к Русскому государству, была сооружена церковь Олдитригия. Поврежденный в годы войны, храм сохранил главную свою ценность — редкие для Пскова изразцы. Никто не подумал их ушить; год назад в Олдитригия рухнула свода, украшения побились. В общеполном к этому приключению событию отнеслись с легкостью необыкновенной: нашли, что теперь самый удобный случай Олдитригию совсем снести! Только благодаря своевременному вмешательству Совета Министров РСФСР это было предотвращено.

В годы Великой Отечественной войны Псков пострадал сильно. Поэтому сразу же после войны правительство приняло решение о первоочередном восстановлении Пскова. Ежегодно на восстановление памятников ассигнуются немалые средства.

В 1958 году, например, они составили свыше трех миллионов рублей. Как же используются эти значительные суммы?

«О! — радостно восклицает начальник областного управления культуры А. И. Медведев. — Видели Власьевскую башню у Кремля? Мы ее возводили! Был один фундамент, все построили заново. Мы видели Власьевскую башню, но оптимизм тов. Медведева был так безоблачен и велик, что нужно было уточнить: Не та ли это башня, что нынешней зимой построена, а весной обвалилась?»

«Она, — подтвердила тов. Медведев. — Теперь ее придется разобрать до основания. Но вы не сомневайтесь. Мы ее все равно доведем до самого верха. Эта башня украсит берег. А наверху мы поставим скамеечки. Люди будут здесь гулять...»

И в то время как средства, ассигнованные для поддержания и реставрации памятников, уходят на «новолетия» вроде Власьевской башни, гибнут всемирно известные фрески Мелетовского собора. Памятник находится в аварийном состоянии. Верхняя часть собора, внутри и снаружи, уже осыпалась, она вот-вот обрушится. Не защищенные стеклом изображения гибнут под действием сырости, влаги и солнца, отваливаются со штукатурки.

В Пскове есть специальная научно-реставрационная мастерская. Мне даже сказали в Управлении музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР, что она из числа самых ранних в стране, в ней имеются опытные архитекторы-реставраторы.

«Почему же ваши сотрудники строят кинотеатр и Власьевскую башню, а не реставрируют Мелетово? — спрашивает директор мастерской Степана Даниловича Крашенинникова.

«По титлу, — скорбно отвечает он, — по распоряжению Управления культуры областногокома.

«Но вы же научно-реставрационная мастерская, как вы миритесь с таким положением?»

«Как никто и не спрашивает. Мы ведь теперь только по уставу «научная». У нас нет ни одного специалиста-архитектора.

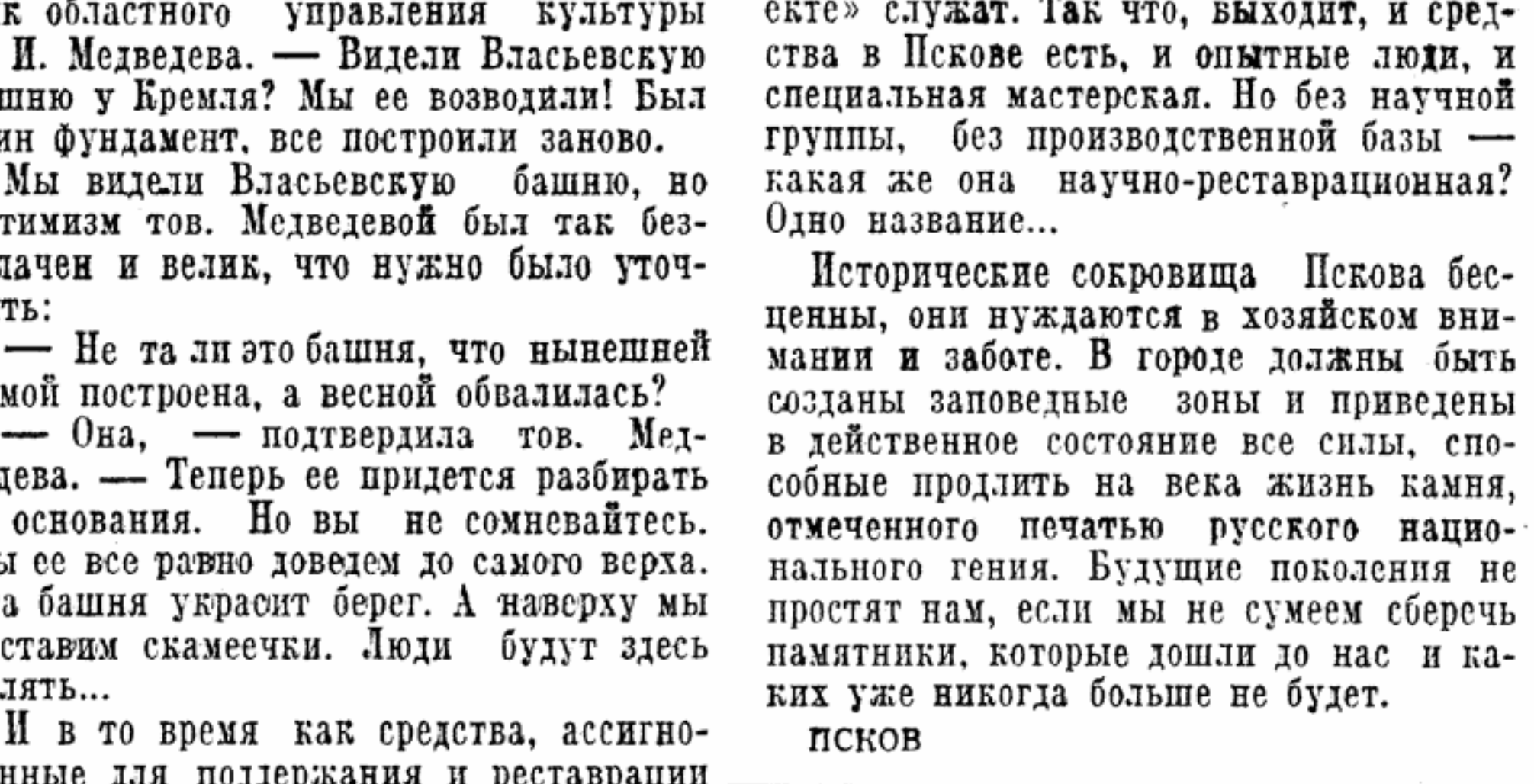
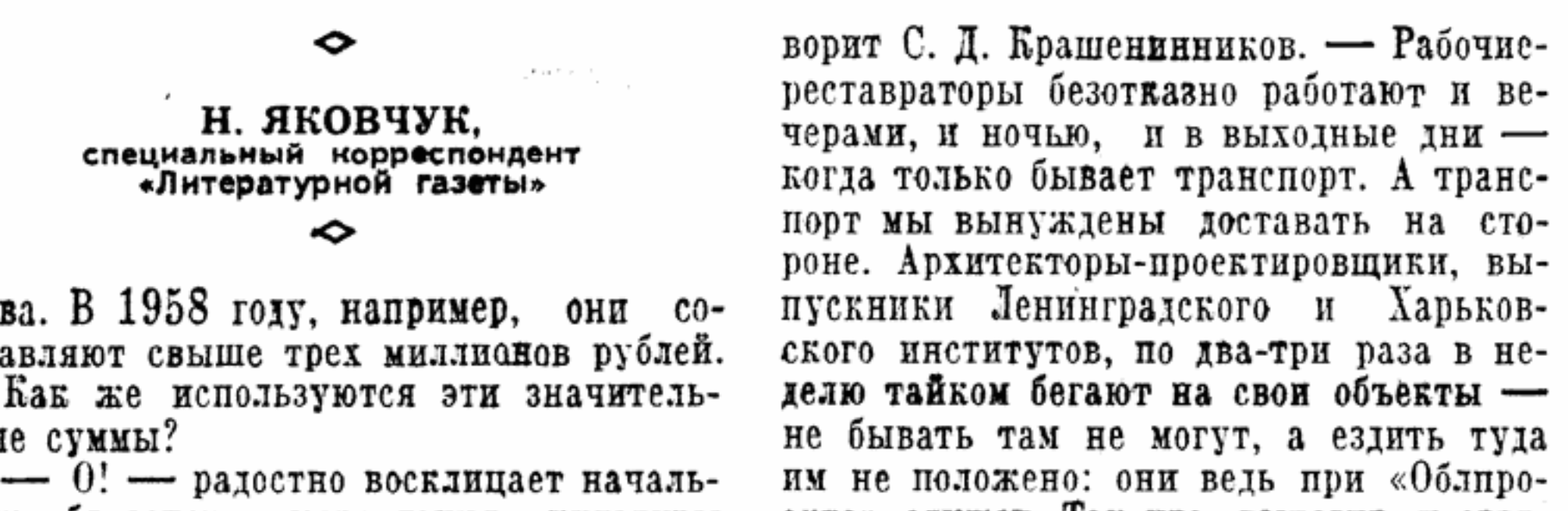
Оказывается, год назад облисполком решил передать производственную группу этой мастерской реставрированию, а научно-проектную — «Облпроектору». Все реставрационные работы, понятно, остались, хотя памятники разрушаются на глазах. Тогда в облисполкоме поняли, что надо, пока не поздно, вернуть все на свои места. Производственную группу, оставшуюся без цехов, станков, без машин и материалов, снова стали называть «научно-реставрационной мастерской», предписав ей «всесторонне научно исследовать памятники архитектуры, вести археологические раскопки, проектировать восстановление и реставрацию на основе архивных материалов, расширять и реставрировать фресковую и масляную живопись». И еще многое другое было включено в ее состав... научную группу. Она по-прежнему при «Облпроекте».

«Люди у нас замечательные, — говорит С. Д. Крашенинников. — Рабочие-реставраторы безотказно работают и вечерами, и ночью, и в выходные дни — когда только бывает транспорт. А транспорт мы вынуждены доставлять на стороне. Архитекторы-проектировщики, выпускники Ленинградского и Харьковского институтов, по два-три раза в неделю тайком бегают на свои объекты — не бывать там не могут, а ездить туда им не положено: они ведь при «Облпроекте» служат. Так что, выходит, и средства в Пскове есть, и опытные люди, и специальная мастерская. Но без научной группы, без производственной базы — какая же она научно-реставрационная? Одно название...»

Исторические сокровища Пскова бесценны, они нуждаются в хозяйском внимании и заботе. В городе должны быть созданы заповедные зоны и приведены в действенное состояние все силы, способные продлить на века жизнь камня, отмеченного печатью русского национального гения. Будущие поколения не простят нам, если мы не сумеем сберечь памятники, которые дошли до нас и каковых уже никогда больше не будет.

псков

Н. ЯКОВЧУК, специальный корреспондент «Литературной газеты»

НА БЕЛОМ МОРЕ

К ВЫСТАВКЕ «Советская Россия» я решил создать серию рисунков «Люди труда». Медленно мне довелось побывать на Белом море, Рыбачьи Севера — простые, чудесные люди. Я пролежал среди них незабываемые дни.

Вот Анна Дмитриевна Поташева (рисунки слева вверху). У нее светлые чистые глаза, гладко зачесанные русые волосы, морщинки, залегшие в уголки рта, высокий ясный лоб. Выразительное лицо русской женщины, лицо человека, способного на подвиги и самопожертвование. Она — одна из лучших рыбацек колхоза «Беломор».

Когда смотришь на невысокого худощавого старика, добродушно переносающего через ручей маленькую девочку, трудно представить его в будущем холодном море. Но когда Сергей Васильевич Зарубин (рисунки сверху) рассказывает о своих морских путешествиях, о путине, рыбке, — он весь преображается. Много на самом веку добыл Зарубин рыбы, много молодых рыбаков обучил.

Чудесны и пейзажи Белого моря. Каждый из них по-своему неповторимо своеобразен. Особенно хороши белые ночи. Я с увлечением рисовал их. Одна из «белых ночей» — перед выем.

Художник М. ФЕРГАН

ЧИТАТЕЛЬ, НЕ МНОГО ТЕРПЕНИЯ!

«Он сообщил, что у него в городе есть хорошая знакомая — парикмахерша.

«Премила! Уверен — сойдется. Хочешь, напиши ей письмо?»

И направился в парикмахерскую, рассчитав время так, чтобы прийти к концу рабочего дня. Ее узнал сразу. Действительно, красивая. Решиться хотелось влететь вверх и тожно, многообещающе опускаться».

«Не беспокою? Походите дальше. Какой-то субъект в штатском, назвавшийся Ресом, открыл передо мной дверь кабинета. Пройдя несколько шагов по коридору, указал на застекленную дверь».

«Эта комната принадлежит вам. Располагайтесь. Не придет и пяти минут, к вашим услугам появится Эльза. Экономка, служанка, если пожелаете, — подруга. Словом, не стесняйтесь...»

«Вечером пришел пьяный Рекс. Он вошел без стука и замер на пороге, внимательно оглядывая комнату. Презрительная улыбка пробежала по его губам. Еще не понимая в чем дело, я невольно проследил его взгляд и удивился: мой кроват, тщательно заправленный утром, была беспорядочно измята...»

Эльза виновато опустила глаза и вышла.

Рекс «запил, бедняга. Приревновал вас к Эльзе, хе-хе! Вот полюбуйтесь. Когда только он успел? Никак не пойму.

И полковник бросил передо мной пачку фотографий. У меня на мгновение язык прилип к горгану. Смотрел и не верил глазам своим. На фотографии были изображены я и Эльза в самых дилких, невероятных положениях».

«И когда он только успел. Вы что, позировали? — удивился Хельвинг... Я понимаю, читатель, тебе уже тошно. Но будь мужественным! Заклинаю тебя твоими детьми: дочитай до конца. Выйди на улицу, подыши свежим воздухом, выпей стакан воды — и пошли дальше».

«Получив подробный инструктаж, я в тот же вечер отправился в сельский клуб. Сеанс еще не начался, а я без труда отыскал в кинозале девушку с золотистыми волосами... Сидя между двух наших бойцов, она сбежала о красоте здешней природы... А солдаты молча являли на нее глаза».

После сеанса они потянулись за нею, «отпашка», кокетливо кивнув в мою сторону, словно давнему знакомому, громко заявила, что предпочитает проводить время с офицерами».

«Они куда воспитанные и остроумные... Я воспользовался этим прицельным замечанием «пашки» и жестом «предложил ей свое сердце». Она подставила мне полную, мягкую руку, я подхватил ее...»

«Рад быть вашим слугой, — шутил проговорил я ей... Все военные рады прислушаться к мнению молодого, — заученно отвечала она — Как за семафор от жены отъехал, так и холостяки».

«А вот представьте себе, вы как читатели знают и любят многих талантливых советских писателей, ценят их книги. Характерно письмо учителя Г. Григорьева (Ниже): «Произведения наших выдающихся мастеров, таких как Шолохов, Федин, Леонов, Гладков, Маршак, никогда долго не залежатся на прилавках. Еще можно упомянуть таких любимых читателей писателей, как В. Кочетов, Л. Чуковский, А. Лебедев, И. Седых, А. Чаковский, книги которых покупаются на расхват... Я назвал лишь некоторые имена из славной плеяды советских писателей — число их можно было бы значительно расширить. Абсолютно прав И. Кремлев, отмечая ничтожные тиражи большинства книг, выпускаемых издательством «Советский писатель»».

Директор школы Ю. Грийф (пос. Горель, Томская область) справедливо выражает свое несогласие с замечанием И. Кремлева о слишком большом количестве изданий романа В. Ажаева «Далеко от Москвы»: «Но этот роман очень полюбился нам всем, его герои — поистине пример для молодежи, для всех нас... Народ нуждается в этой книге».

Так выделяются в читательских письмах любимые писатели, книги которых не залеживаются на прилавках, а в библиотеках постоянно спрашиваются. Перечислить все фамилии в кратком обзоре просто невозможно.

Переиздания большими тиражами лучших произведений советской литературы вполне закономерны, оправданы, и читатель одобряет широкое распространение этих книг.

Какие же книги издаются тиражами неоправданно увеличенными? Вот письмо из Ростова-на-Дону инженера С. Фильченко, где сообщается, что Ростовским книжным издательством огромным тиражом издан роман Э. Золя «Нана» «в мрачном, зловещем черном переплете».

ЧИТАТЕЛЬ, НЕ МНОГО ТЕРПЕНИЯ!

ЧИТАТЕЛЬ, НЕ МНОГО ТЕРПЕНИЯ! РОДИТЕЛИ, ВНИМАНИЕ!..

«Он сообщил, что у него в городе есть хорошая знакомая — парикмахерша.

«Премила! Уверен — сойдется. Хочешь, напиши ей письмо?»

И направился в парикмахерскую, рассчитав время так, чтобы прийти к концу рабочего дня. Ее узнал сразу. Действительно, красивая. Решиться хотелось влететь вверх и тожно, многообещающе опускаться».

«Не беспокою? Походите дальше. Какой-то субъект в штатском, назвавшийся Ресом, открыл передо мной дверь кабинета. Пройдя несколько шагов по коридору, указал на застекленную дверь».

«Эта комната принадлежит вам. Располагайтесь. Не придет и пяти минут, к вашим услугам появится Эльза. Экономка, служанка, если пожелаете, — подруга. Словом, не стесняйтесь...»

«Вечером пришел пьяный Рекс. Он вошел без стука и замер на пороге, внимательно оглядывая комнату. Презрительная улыбка пробежала по его губам. Еще не понимая в чем дело, я невольно проследил его взгляд и удивился: мой кроват, тщательно заправленный утром, была беспорядочно измята...»

Эльза виновато опустила глаза и вышла.

Рекс «запил, бедняга. Приревновал вас к Эльзе, хе-хе! Вот полюбуйтесь. Когда только он успел? Никак не пойму.

И полковник бросил передо мной пачку фотографий. У меня на мгновение язык прилип к горгану. Смотрел и не верил глазам своим. На фотографии были изображены я и Эльза в самых дилких, невероятных положениях».

«И когда он только успел. Вы что, позировали? — удивился Хельвинг... Я понимаю, читатель, тебе уже тошно. Но будь мужественным! Заклинаю тебя твоими детьми: дочитай до конца. Выйди на улицу, подыши свежим воздухом, выпей стакан воды — и пошли дальше».

«Получив подробный инструктаж, я в тот же вечер отправился в сельский клуб. Сеанс еще не начался, а я без труда отыскал в кинозале девушку с золотистыми волосами... Сидя между двух наших бойцов, она сбежала о красоте здешней природы... А солдаты молча являли на нее глаза».

После сеанса они потянулись за нею, «отпашка», кокетливо кивнув в мою сторону, словно давнему знакомому, громко заявила, что предпочитает проводить время с офицерами».

«Они куда воспитанные и остроумные... Я воспользовался этим прицельным замечанием «пашки» и жестом «предложил ей свое сердце». Она подставила мне полную, мягкую руку, я подхватил ее...»

«Рад быть вашим слугой, — шутил проговорил я ей... Все военные рады прислушаться к мнению молодого, — заученно отвечала она — Как за семафор от жены отъехал, так и холостяки».

«А вот представьте себе, вы как читатели знаете и любите многих талантливых советских писателей, ценят их книги. Характерно письмо учителя Г. Григорьева (Ниже): «Произведения наших выдающихся мастеров, таких как Шолохов, Федин, Леонов, Гладков, Маршак, никогда долго не залежатся на прилавках. Еще можно упомянуть таких любимых читателей писателей, как В. Кочетов, Л. Чуковский, А. Лебедев, И. Седых, А. Чаковский, книги которых покупаются на расхват... Я назвал лишь некоторые имена из славной плеяды советских писателей — число их можно было бы значительно расширить. Абсолютно прав И. Кремлев, отмечая ничтожные тиражи большинства книг, выпускаемых издательством «Советский писатель»».

Директор школы Ю. Грийф (пос. Горель, Томская область) справедливо выражает свое несогласие с замечанием И. Кремлева о слишком большом количестве изданий романа В. Ажаева «Далеко от Москвы»: «Но этот роман очень полюбился нам всем, его герои — поистине пример для молодежи, для всех нас... Народ нуждается в этой книге».

Так выделяются в читательских письмах любимые писатели, книги которых не залеживаются на прилавках, а в библиотеках постоянно спрашиваются. Перечислить все фамилии в кратком обзоре просто невозможно.

Переиздания большими тиражами лучших произведений советской литературы вполне закономерны, оправданы, и читатель одобряет широкое распространение этих книг.

Какие же книги издаются тиражами неоправданно увеличенными? Вот письмо из Ростова-на-Дону инженера С. Фильченко, где сообщается, что Ростовским книжным издательством огромным тиражом издан роман Э. Золя «Нана» «в мрачном, зловещем черном переплете».

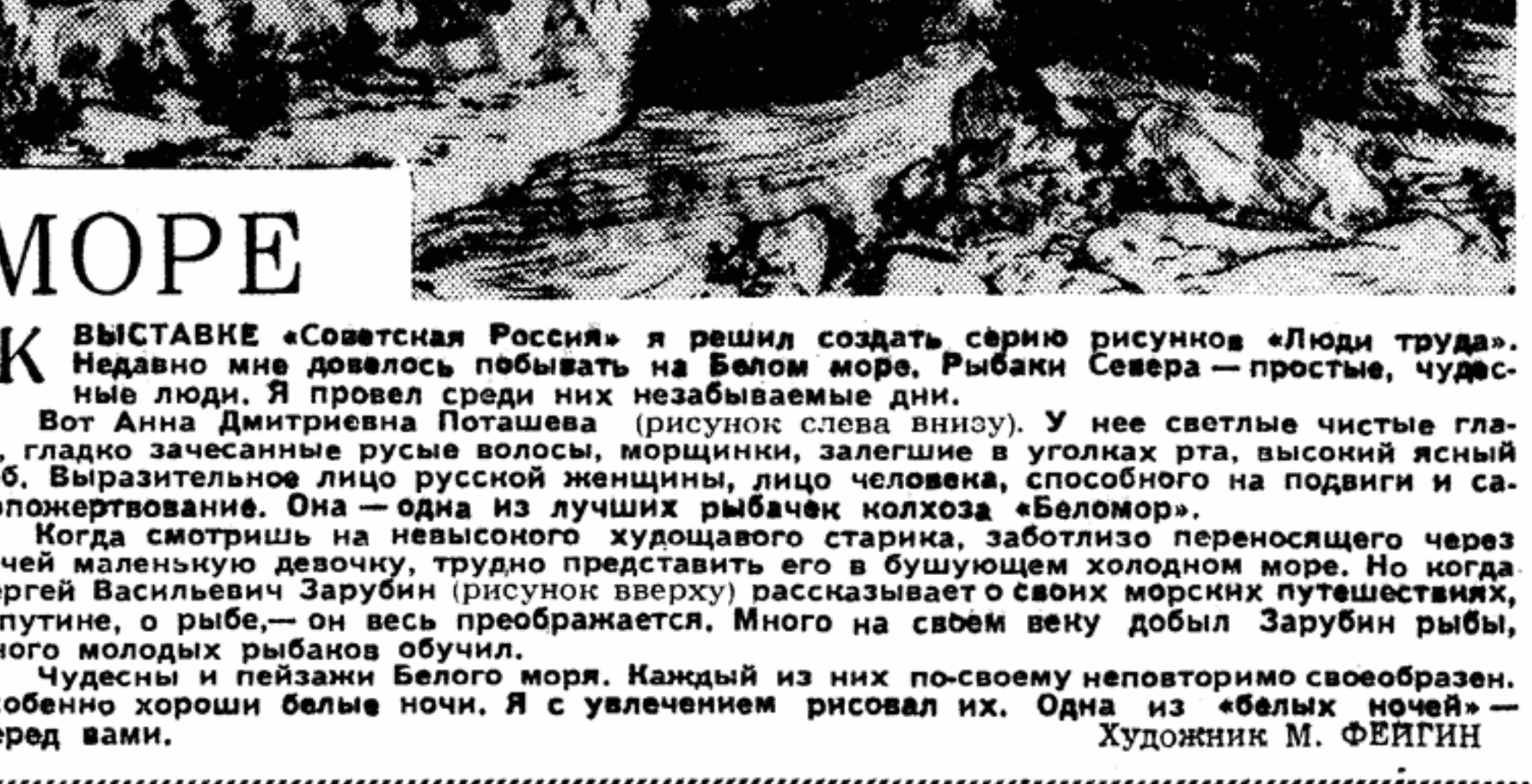
Возражая И. Кремлеву, пропраб Ю. Любю (Ленинград) ставит важный и действительно болезненный вопрос: «почему, по моему мнению, Ажаева, которому якобы «повезло», Кремлев ни слова не сказал о потоке ремесленных изделий от литературы — о «шпиковках», детективных и прочих книжках, хлынувших огромными тиражами? А разные ведомственные журналы и никому не нужные издания выпускаются в огромных количествах, которые вылетают на складах, не имея сбыта? Вот где можно поискать тонны зря потраченных бумаг...»

В откликах читателей на статью И. Кремлева есть возражения и по поводу издания собрания сочинений Диккенса: им непонятно, почему автор статьи предлагает издавать Диккенса сокращенного, избранного, а не полного.

В некоторых же письмах предлагается правильно вычитать из статьи И. Кремлева требование совсем прекратить выпуск книг таких писателей, как А. Дюма, А. Конан-Дойль, Т. Майн Рид и др. Но ведь речь в статье И. Кремлева шла лишь о явно избыточных тиражах книг типа «Королева Марго».

Во всех полученных редакцией «Литературной газеты» письмах чувствуется большая любовь читателей к советской литературе, к ее лучшим книгам, желание разобраться в сложных вопросах распространения книг, определения их тиражей.

Приводим в заключение характерную концовку письма библиотекаря Н. Зайцева из поселка Комсомольский Куйбышевской области: «Советский читатель черпает свои знания из книг, глубоко содержательных, правдиво отражающих советскую действительность. Мы не надеемся, что секретариат Союза писателей СССР совместно с издательством в кратчайший срок наведут должный порядок в распространении книг среди широких масс читателей».

НА БЕЛОМ МОРЕ

К ВЫСТАВКЕ «Советская Россия» я решил создать серию рисунков «Люди труда». Медленно мне довелось побывать на Белом море, Рыбачьи Севера — простые, чудесные люди. Я пролежал среди них незабываемые дни.

Вот Анна Дмитриевна Поташева (рисунки слева вверху). У нее светлые чистые глаза, гладко зачесанные русые волосы, морщинки, залегшие в уголки рта, высокий ясный лоб. Выразительное лицо русской женщины, лицо человека, способного на подвиги и самопожертвование. Она — одна из лучших рыбацек колхоза «Беломор».

Когда смотришь на невысокого худощавого старика, добродушно переносающего через ручей маленькую девочку, трудно представить его в будущем холодном море. Но когда Сергей Васильевич Зарубин (рисунки сверху) рассказывает о своих морских путешествиях, о путине, рыбке, — он весь преображается. Много на самом веку добыл Зарубин рыбы, много молодых рыбаков обучил.

Чудесны и пейзажи Белого моря. Каждый из них по-своему неповторимо своеобразен. Особенно хороши белые ночи. Я с увлечением рисовал их. Одна из «белых ночей» — перед выем.

Художник М. ФЕРГАН

ЧИТАТЕЛЬ, НЕ МНОГО ТЕРПЕНИЯ!

«Он сообщил, что у него в городе есть хорошая знакомая — парикмахерша.

«Премила! Уверен — сойдется. Хочешь, напиши ей письмо?»

И направился в парикмахерскую, рассчитав время так, чтобы прийти к концу рабочего дня. Ее узнал сразу. Действительно, красивая. Решиться хотелось влететь вверх и тожно, многообещающе опускаться».

«Не беспокою? Походите дальше. Какой-то субъект в штатском, назвавшийся Ресом, открыл передо мной дверь кабинета. Пройдя несколько шагов по коридору, указал на застекленную дверь».

«Эта комната принадлежит вам. Располагайтесь. Не придет и пяти минут, к вашим услугам появится Эльза. Экономка, служанка, если пожелаете, — подруга. Словом, не стесняйтесь...»

«Вечером пришел пьяный Рекс. Он вошел без стука и замер на пороге, внимательно оглядывая комнату. Презрительная улыбка пробежала по его губам. Еще не понимая в чем дело, я невольно проследил его взгляд и удивился: мой кроват, тщательно заправленный утром, была беспорядочно измята...»

Эльза виновато опустила глаза и вышла.

Рекс «запил, бедняга. Приревновал вас к Эльзе, хе-хе! Вот полюбуйтесь. Когда только он успел? Никак не пойму.

И полковник бросил передо мной пачку фотографий. У меня на мгновение язык прилип к горгану. Смотрел и не верил глазам своим. На фотографии были изображены я и Эльза в самых дилких, невероятных положениях».

«И когда он только успел. Вы что, позировали? — удивился Хельвинг... Я понимаю, читатель, тебе уже тошно. Но будь мужественным! Заклинаю тебя твоими детьми: дочитай до конца. Выйди на улицу, подыши свежим воздухом, выпей стакан воды — и пошли дальше».

«Получив подробный инструктаж, я в тот же вечер отправился в сельский клуб. Сеанс еще не начался, а я без труда отыскал в кинозале девушку с золотистыми волосами... Сидя между двух наших бойцов, она сбежала о красоте здешней природы... А солдаты молча являли на нее глаза».

После сеанса они потянулись за нею, «отпашка», кокетливо кивнув в мою сторону, словно давнему знакомому, громко заявила, что предпочитает проводить время с офицерами».

«Они куда воспитанные и остроумные... Я воспользовался этим прицельным замечанием «пашки» и жестом «предложил ей свое сердце». Она подставила мне полную, мягкую руку, я подхватил ее...»

«Рад быть вашим слугой, — шутил проговорил я ей... Все военные рады прислушаться к мнению молодого, — заученно отвечала она — Как за семафор от жены отъехал, так и холостяки».

«А вот представьте себе, вы как читатели знаете и любите многих талантливых советских писателей, ценят их книги. Характерно письмо учителя Г. Григорьева (Ниже): «Произведения наших выдающихся мастеров, таких как Шолохов, Федин, Леонов, Гладков, Маршак, никогда долго не залежатся на прилавках. Еще можно упомянуть таких любимых читателей писателей, как В. Кочетов, Л. Чуковский, А. Лебедев, И. Седых, А. Чаковский, книги которых покупаются на расхват... Я назвал лишь некоторые имена из славной плеяды советских писателей — число их можно было бы значительно расширить. Абсолютно прав И. Кремлев, отмечая ничтожные тиражи большинства книг, выпускаемых издательством «Советский писатель»».

Директор школы Ю. Грийф (пос. Горель, Томская область) справедливо выражает свое несогласие с замечанием И. Кремлева о слишком большом количестве изданий романа В. Ажаева «Далеко от Москвы»: «Но этот роман очень полюбился нам всем, его герои — поистине пример для молодежи, для всех нас... Народ нуждается в этой книге».

Так выделяются в читательских письмах любимые писатели, книги которых не залеживаются на прилавках, а в библиотеках постоянно спрашиваются. Перечислить все фамилии в кратком обзоре просто невозможно.

Переиздания большими тиражами лучших произведений советской литературы вполне закономерны, оправданы, и читатель одобряет широкое распространение этих книг.

Какие же книги издаются тиражами неоправданно увеличенными? Вот письмо из Ростова-на-Дону инженера С. Фильченко, где сообщается, что Ростовским книжным издательством огромным тиражом издан роман Э. Золя «Нана» «в мрачном, зловещем черном переплете».

КОРОТКО О ВАЖНОМ

Трудовая книжка колхозника

Помощь колхознику была оказана, но беседа с ветераном надела в редакцию секретаря Шабалинского райкома партии В. Заричева.

Известно, что рабочие и служащие имеют паспорт, трудовые книжки, в учреждении, где они работают, ведутся личные дела. А колхозники? Где и как отражаются их трудовые дела, где записываются сведения о работе, которую он выполнял на протяжении многих лет?

В 1956 году правление колхоза «За мир» решило ввести «Личную трудовую книжку колхозника», о чем и было заявлено в уставе артели. Трудовая книжка, являющаяся основным документом колхозника, выдается каждому члену артели, достигшему 16-летнего возраста. Она заполняется в двух экземплярах: один экземпляр находится на руках колхозника, другой — в делах колхоза.

Записи в ней производятся ежемесячно. С введением этих книжек отпала необходимость в ранее существовавших трудовых книжках, которые выдавались на год.

Личная трудовая книжка члена артели «За мир» включает четыре раздела: 1) учет выработанных трудодней по годам; 2) сведения о работе; 3) характеристика трудовой деятельности (поощрения и взыскания); 4) учет выданных колхознику продуктов и денег по годам.

Колхозники других артелей района, узнав о введении таких книжек, пожелали завести их и у себя. Они рассматривают личные трудовые книжки не как бюрократическую затею, а как документ, вызванный самой жизнью.

Не нужно ли и другим районам и областям нашей страны последовать примеру шабалинцев?

НЕДАВНО МНЕ ПРИШЛОСЬ БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ

«Идеологический отдел артели, прислав в школу список малолетних школьников».

«Не пойдут на праздник, а то бог накажет. А и никакого бога нет. А вот и есть...»

«Маленький атеист убежденно отстаивал свое мировоззрение, пользуясь всей аргументацией, на которую способен его десятилетний разум».

Резкая спорил, а учитель, находившийся неподобающе, ничего не слышал или делал вид, что не слышит. Да он один! Сцена эта и заставила меня взяться за перо.

Наша школа, формирующая сознание будущих строителей коммунизма, недостаточно серьезно, как мне кажется, подходит к вопросам атеистической пропаганды. В ответ на подобные упреки мне не раз приходилось слышать высказывания:

«У нас же свобода верований. Да, это так, никто и не предлагает посягать на эту свободу. Но есть ведь у нас и свобода атеистической пропаганды! И разве не обязанность советской школы — разъяснять своим воспитанникам элементарные основы научного мировоззрения?»

До революции в трехклассной школе, в гимназии или в реальном училище, в учебных заведениях для привилегированных классов — ведале настоящие атеисты в молодые умы мысль о «божественном промысле». Каждый учебный день начинался молитвой. В прописях предлагались пословицы: «без бога — ни до порога», «молитва спасает» и т. п. Проповедь религиозной идеологии были проназаны учебники истории и даже грамматик.

Сборники для детского чтения, детские журналы, такие как «Задуманные слова», «Светлячок», «Ученик», пестрили благоговейными рассказками, библейскими легендами и т. д.

Нет, религиозная пропаганда далеко не ограничилась только уроками закона божьего. Целенаправленная, настойчивая, повседневная, она не оставляла ни малейшей отдушины, проникая во все учебные предметы, во все детские развлечения, следя за каждым шагом ребенка, за его помыслами.

А сегодня в капиталистическом мире? С каким тщением стремится церковь проникнуть в сознание учащейся молодежи. В обстановке католической церкви. Она не бездействует, воинствующие пропагандисты в рясах, сутанах и в мирском обличии...

Наша школа почему-то заняла в этом вопросе неясную позицию. Гневное разоблачение религиозных пережитков не находится места на страницах учебников. Не проявляет интереса к этой важнейшей стороне коммунистического воспитания журналы «Мурзилка», «Пионер» и «Юность». Особенно трудно мириться с подобной инертностью, когда слышишь о такой, например, активности церковников, как скупка антирелигиозной литературы.

В. КОПИЦЫН

«ХОЛОСТОЙ» ВЕЛОСИПЕД

Велосипед нужно сделать более универсальным. Над его улучшением стоит подумать хотя бы потому, что автомобили для личного пользования выпускается у нас пока что мало и они недостаточны для широких масс населения.

МЫ ОЗНАКОМИЛИ С содержанием этого письма главного специалиста отдела машиностроения Госплана СССР В. Коваленко.

Предложение тов. Русова заслуживает поддержки, — ответил он, — приспособления велосипедов для производства можно и нужно. Львовский велосипедный завод уже начал выпуск детских прицепных велосипедов, но этого, конечно, мало.

МЯТЕЖНАЯ ЮНОСТЬ

ЭПОХИ народных восстаний и борьбы против гнета захватчиков и угнетателей всегда пленяли воображение писателей, потому что они особенно полно раскрывают величие человеческих стремлений к свободе, смелость и героизм борцов.

Освободительное движение болгарского народа прошлого века раньше всех привлекало внимание нашего классика Ивана Вазова. Из-под его пера вышел незабываемый роман «Под игом», раскрывающий каждому новому поколению величие освободительной борьбы нашего народа и вдохновляющий немало патриотов на подвиг и самопожертвование. В последнее время среди болгарских писателей заметен большой интерес к изучению этой героической эпохи, к ее воссозданию во всем ее богатстве и полноте.

Но вот мы получили книгу об этой же эпохе, написанную в братской Советской стране, книгу, от которой веет чем-то своим, дорогим и родным. Ее страницы переносят нас к знакомым уголкам Среднегорья, воскрешают в памяти образы революционной молодежи. Роман С. Голубова «Птицы летят из гнезд» посвящен детским и юношеским годам нашего великого поэта и революционера Христо Ботева. Это первая книга писателя из цикла «Вставайте, братья!», посвященному болгарскому освободительному движению XIX века. Поэтому роман С. Голубова необходимо оценивать не только как законченное произведение, но и как начало, которое раскрывает многое, но еще больше обещает...

Идейно-художественная концепция С. Голубова определяет широкий размах романа (вероятно, как и всего цикла). Автор создает многоплановую композицию, которая дает ему возможность показать быт, мораль и идеологию различных слоев общества в данную эпоху. Действие развивается то в Болгарии, то в Лондоне, то в Одессе, Петербурге, Москве... При этом писатель удачно сочетает научное отношение к истории с даточкой и художественным вымыслом там, где исторические источники недостаточны для воссоздания героев и их взаимоотношений.

Может быть, иной читатель будет озадачен: автор пишет роман о Христо Ботеве, зачем же ему нужно рассказывать о деятельности Герцена и Огарева в Лондоне, о заточении Чернышевского, почему он интересуется и жизнью сосланных в Одессу поляков, и «подвиги» какого-то английского моряка Блайфилда. Но когда читатель дочитает роман до конца, перед ним раскроется не только образ Ботева, подрастающего героя революционной эпохи, но и картина всей эпохи, картина условий, в которых формировался несгибаемый характер будущего поэта и революционера. Ведь невозможно раскрыть основные движущие силы болгарского национально-освободительного движения и воссоздать образы его героев, не раскрыв глубоко состояние умов в России, особенно после Крымской войны, — той России, которая еще с начала века поддерживала надежду болгарского народа на свободу, вдохновляла борьбу народных гайдуков и революционеров и влияла на нее.

Но, конечно, прежде всего автор ведет нас в порабощенную Болгарию, где хорободжи — богачи и общественные воротилы — топчут достоинство народа. В таких условиях рос мальчик Христо. Уже в ранние годы он чувствует несправедливость и хотя реагирует на нее пока чисто по-детски, наивно и дерзко, но не поворачивает ей. Подростком, слушая легенды о гайдуках, рассказы о неутомимой деятельности Раковского, он начинает понимать, что есть другая борьба — разумная, целенаправленная, что есть Россия, которая поможет болгарскому народу.

Эта «лучевая» Россия едина в глазах порабощенного болгарина, смотрящего на нее издалека. Но ученик одесской гимназии Христо Ботев скоро почувствует, что понятие о святой и лучезарной России раздваивается. Постепенно у него создается представление о двух различных Россиях — России угнетаемой и бунтующей и России угнетающей, которая размахивает розгами,сылает в Сибирь и расстреливает. Бесполойный ум подростка жадно впитывает идеи Герце-

на, Чернышевского, Писарева, социалистов-утопистов. Вначале ему не все еще ясно и понятно. Но придет время, когда вдруг откроются горизонты, наступит окончательное политическое прозрение.

Голубов особенно старательно рисует идейную атмосферу, в которую попадает Ботев в Одессе, и положительные влияния, которые дают верное направление этой молодой горячей натуре. Может быть, здесь стоило бы пожелать все же более четкой и рельефной обрисовки героя, воспринявшего это влияние во всей его сложности.

Дружба Ботева с передовой русской и польской молодежью рождает у него чувство революционной солидарности, и эта солидарность поддерживает его, наткнувшись на гимназии, дает ему силы избрать путь революционера.

Второй исторический роман может создавать вымышленных героев и сплетать их судьбу с жизнью исторических личностей — необходимо только, чтобы эти герои полностью соответствовали данной эпохе. Хотелось бы, чтобы ярче были раскрыты взаимоотношения между героями в Калюфере, особенно с точки зрения социальной. В наших горюлах и селгах до освобождения учитель благодаря своей грамотности был одним из самых близких советчиков и помощников трудового населения. В этом смысле образы учителя Петкова и Христо могли бы быть значительно обогащены.

В описании жизни Христо Ботева в Одессе нам бы хотелось видеть более гневное отношение его к богатому Топкову. Ведь Христо знал, что хорободжи Топков так же несправедливо, как и его судью, распоряжается судьбой многих подопытных ему юношей.

Когда речь идет об историческом романе, нельзя упрекать автора в изобилии героев. Как бы много их ни было, читатель не выпустит их из поля зрения, если они показаны в тесной взаимосвязи, а главное, если они выразительны. Жаль, что в романе С. Голубова читатель порой вынужден довольствоваться информацией о деятельности отдельных героев. Так, например, образ Любена Каравелова мог бы быть разработан более детально. Может быть, уже в следующем романе цикла С. Голубову придется показать Ботева и Каравелова в их совместной деятельности. Именно поэтому уже теперь нужно было бы в достаточной степени раскрыть образ Каравелова.

Читая те главы романа, действие которых происходит в Болгарии, в образах Митю Братодот, дедушки Цоко, маленькой Райны чувствуешь какую-то экзотику, нехарактерную для нашей действительности и нашего быта того времени. Болгарского читателя это будет только смущать. Гайдучество передано в романе в какой-то мере абстрактно-идеализированно. Между тем в 60-х годах, когда болгарское гайдучество уже в значительной степени было организовано, мотивы личной мести отступили на второй план и уступили дорогу уже определенной идее освобождения народа. Оно уже вышло из стихийной и живописной формы начального периода. Встречаются в произведении С. Голубова и некоторые бытовые неточности.

В масштабах романа эти ошибки незначительны и неизбежны, поскольку речь идет о быте другого народа. В целом же можно сказать, что С. Голубов старательнейшим образом изучил огромный исторический материал той эпохи.

О ЖИЗНИ И БОРЬБЕ Христо Ботева может быть написан не один роман, пьеса или сценарий. Роман С. Голубова для нас особенно ценен тем, что он раскрывает образ Ботева на европейском фоне, со всеми теми внешними воздействиями и влияниями, которые способствовали духовному росту великого болгарина. Цена усилия С. Голубова как можно глубже проникнуть в эпоху и в исторические материалы, оставшиеся от нее, мы пожелаем бы ему при работе над его будущими романами пробыть в Болгарии более длительное время, еще полнее познакомиться с нашим народом, еще больше почувствовать его своим. Тогда и мы почувствуем еще более своим его Христо Ботева.

СОФИЯ

Новые стихи

Владимир ЛИФШИЦ

ПЕЛИ ДЕВУШКИ...

Не на летней эстраде в парке, не в театре, не в средней школе, — пели девушки нам болгарки у дороги в широком поле.

Прямо в поле они нам пели, а над ними стрижки летали, так над ними стрижки летали, словно в песню себя влетали!

И тогда болгаркам песель, шелестя кругом шипения, — каждый колосок ей хотелось песням родины поклониться.

Пели девушки, стоя в поле, песни прадедов, песни дедов, песни тех, кто мечтал о воле, некую беду изведая.

В этих песнях судьба народа понималась без перевода.

Солнце плавало, как из меда, зазеленя, как медь, колосья, и запело нам о победе хора медное многоголосье.

Вот чем славен наш город Сливен, вот чем дивен, вот не был где ты!

И послушай, так все из Сливен композиторы и поэты.

Ну, а если кого не из Сливен бог талантами ослеплял, значит, мама его из Сливен, или дядя его из Сливен...

Я, Болгарию покидая, сам себе становлюсь противен: видел многие города я, но не видел я город Сливен. Болгария, 1939 г.

Смотрят сливские уроженцы на меня, как на тязко больного.

— Побывал под болгарским небом человек и в Сливне не был!

Да, дворяни он не утыкан, и особенно не велик он, и не главный он, к огорчению, по промышленному значению...

— Чем же он знаменит? Чем дивен? — Как же чем? Тем, что это — Сливен!

Тем, что девушки всех красивей, и влюбленные всех счастливей, и вино ароматней прочих, кто не верит, гоните прочь их!

Вот чем славен наш город Сливен, вот чем дивен, вот не был где ты!

И послушай, так все из Сливен композиторы и поэты.

Ну, а если кого не из Сливен бог талантами ослеплял, значит, мама его из Сливен, или дядя его из Сливен...

Я, Болгарию покидая, сам себе становлюсь противен: видел многие города я, но не видел я город Сливен. Болгария, 1939 г.

Скульптурный портрет Л. Н. Толстого работы скульптора Вл. Павлова.

Вчера в Москве

Вчера в Октябрьском зале Дома Союзов состоялся вечер, посвященный 130-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого. После вступительного слова К. Чуковский с докладом «Толстой — художник» выступил академик Академии наук УССР Н. Гудзин. Вечер в Октябрьском зале был устроен правлением Союза писателей СССР, Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и Государственным музеем Л. Н. Толстого. Сегодня начинается научная сессия, посвященная 130-летию со дня рождения великого писателя.

Новые издания

ВЫШЛИ первые две книги нового 12-томного издания собрания сочинений Л. Н. Толстого, осуществляемого Гослитиздатом. К октябрю подписчики получат еще три тома, все издание будет завершено к новому году. Одновременно с последним томом в магазины поступит для розничной продажи весь комплект издания. Собрание сочинений, выпускаемое массовым тиражом, содержит почти все завершённые художественные произведения Толстого.

Гослитиздат выпускает также «Севастопольские рассказы» с иллюстрациями А. Кокорина и «Войну и мир» в оформлении В. Серова. В серии литературных мемуаров выходят воспоминания А. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». Готовится и печати собрание сочинений Л. Н. Толстого в двадцати томах. Выпуск его приурочивается к 50-летию со дня смерти писателя, исполняющемуся в 1960 году. Это будет подписное издание, включающее все художественное творчество Толстого, основные незавершенные произведения, избранную публицистику и письма. К этой же дате Гослитиздат готовит избранное в трех томах, отдельные издания «Войны и мира» и «Воскресения», сборник переписки Толстого с русскими писателями, дневники Софьи Андреевны Толстой.

ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР В КИРОВО

По решению Оргкомитета Союза Писателей Российской Федерации в городе Кирове создано отделение Союза писателей РСФСР. Уже состоялось организационное собрание, на котором ответственным секретарем отделения избран писатель А. Филев. Он же избран делегатом на первый съезд писателей РСФСР.

ГЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«ЕГО МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ, КАК ХУДОЖНИКА, ЕГО МИРОВАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ, КАК МЫСЛИТЕЛЯ И ПРОПОВЕДНИКА, И ТО И ДРУГОЕ ОТРАЖАЕТ, ПО-СВОЕМУ, МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» — ПИСАЛ О Л. Н. ТОЛСТОМ В. И. ЛЕНИН.

Н. Гудзин

В этом определении дано глубочайшее осмысление самого существа литературного наследия Толстого. В ленинском понимании основной сути писательского дара Толстого не только заложена высочайшая оценка толстовского гения, но и дана та точная мера, которой следует определять значение каждого крупного писателя и его вклад в литературу своего народа и всего человечества. Только писатель, отражающий в своем творчестве основные движущие силы исторического процесса, проникнутый интересами общенародной жизни, может считаться по-настоящему великим писателем. И только наследие такого писателя остается неизменным на века.

Толстой все сильнее проникается отрицательным отношением к самодержавно-полицейскому государственному строю, к поддерживающей его церкви и в самой церковной вере. Революционная ситуация конца 70-х — начала 80-х годов не могла не укреплять оппозиционное отношение Толстого к русской политической действительности. В 1881 году он записывает в дневник: «Революция экономически не в днешних; она может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет». А через несколько лет он пишет о том, что революция, которая назрела еще лет тридцать назад, «теперь назрела так, что мы чуть держимся в своей лодочке над будущим морем и заволакиваем нас морем, которое вот-вот гнетом поглотит и похерит нас».

В этом определении дано глубочайшее осмысление самого существа литературного наследия Толстого. В ленинском понимании основной сути писательского дара Толстого не только заложена высочайшая оценка толстовского гения, но и дана та точная мера, которой следует определять значение каждого крупного писателя и его вклад в литературу своего народа и всего человечества. Только писатель, отражающий в своем творчестве основные движущие силы исторического процесса, проникнутый интересами общенародной жизни, может считаться по-настоящему великим писателем. И только наследие такого писателя остается неизменным на века.

В нем больше доброты, чем дурного; поэтому естественнее и благороднее искать причины первого, чем второго». Общине с яснополянского крестьянином, с казаками и солдатами на Кавказе и особенно с крестьянами в солдатских шинелях в пору Севастопольской обороны укрепляло в Толстом чувство уважения к народу и убеждение в необходимости освобождения его от крепостной кабалы. Еще с молодости Толстой шел по пути демократизма, каким шла вся передовая часть русского общества, к сознанию решающей роли народа в судьбах родины. Этим и объясняется то, что представители передовой русской литературы по главе с Некрасовым и Чернышевским встретили первые литературные шаги Толстого такой высокой оценкой его таланта.

Высокая ступень, на которую поднял Толстой искусство реалистического изображения жизни, была обусловлена его неустойчивыми поисками жизненной правды, той правды, которая еще в раннюю пору его духовного и литературного развития стала для него самым любимым героем. Начиная с первых шагов на писательском пути и кончая последними, предсмертными произведениями своего пера, он шел, побуждаемый никогда не ослабевшей у него потребностью уяснить себе и помочь разрешить людям самые существенные вопросы человеческого бытия.

Толстой не способен был разрешить коренные задачи, какие ставила перед ним жизнь и какие выдвигались законами общественного развития. Он предлагал утопические, ошибочные рецепты спасения человечества от социальных зол. Но, по словам Ленина, он «с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства». Как художник Толстой сказал свое новое могучее слово и проник в такие глубины человеческого характера и чувств, в какие до него проникали только очень немногие великие мастера словесного искусства. Горький писал, что «Толстой это целый мир... этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век и дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой».

Толстой не знал усыпляющей лени в своей мыслительной работе. Невсравненное его писательское трудолюбие сказывалось, пожалуй, не только и не столько в том, что он без устали переделывал и отбрасывал написанное им, накопая груды черновых вариантов своих произведений, сколько в том, что он неспрестанно находился в усиленном умственном напряжении, следы которого мы видим в его многочисленных дневниках и записных книжках. Работая над романом из эпохи Петра I, Толстой жаловался Фету на то, что он тоскует и ничего не пишет, а между тем трудится мучительно. «Вы не можете себе представить, — писал он, — как мне трудна эта предварительная работа глубокой шахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и переучать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень больших сочетаний того, чтобы выбрать из них 1/100000, ужасно трудно. И этим я занят».

Толстой оставил после себя великое художественное наследие, богатившее не только русскую, но и мировую литературу. Собственный писательский опыт подсказывал ему те требования, какие он предъявлял к художнику слова. В глазах Толстого подлинный художник — учитель жизни, надежный советчик людей в поисках истины. Поэтому для Толстого искусство было не праздной забавой, не прихотью, эстетикой, а насущной потребностью, духовной пищей. Отсюда — повывшенная выскальчивость, с которой он подходил к художественному творчеству, считая, что настоящий художник должен показывать жизнь так, как она до него не была никак показана, должен открывать такие стороны действительности, которые людям не были еще известны или не были им замечены, несмотря на то, что немалочисленные льды окружат их на каждом шагу.

Вот эта глубокая шахота поля, на котором вырастали богатые литературные всходы, работа, укреплявшая и обострявшая художественную наблюдательность Толстого, и была первопричиной той силы, самобытности и новизны его реалистического мастерства, которые сразу же

Толстой оставил после себя великое художественное наследие, богатившее не только русскую, но и мировую литературу. Собственный писательский опыт подсказывал ему те требования, какие он предъявлял к художнику слова. В глазах Толстого подлинный художник — учитель жизни, надежный советчик людей в поисках истины. Поэтому для Толстого искусство было не праздной забавой, не прихотью, эстетикой, а насущной потребностью, духовной пищей. Отсюда — повывшенная выскальчивость, с которой он подходил к художественному творчеству, считая, что настоящий художник должен показывать жизнь так, как она до него не была никак показана, должен открывать такие стороны действительности, которые людям не были еще известны или не были им замечены, несмотря на то, что немалочисленные льды окружат их на каждом шагу.

Вот эта глубокая шахота поля, на котором вырастали богатые литературные всходы, работа, укреплявшая и обострявшая художественную наблюдательность Толстого, и была первопричиной той силы, самобытности и новизны его реалистического мастерства, которые сразу же

Толстой оставил после себя великое художественное наследие, богатившее не только русскую, но и мировую литературу. Собственный писательский опыт подсказывал ему те требования, какие он предъявлял к художнику слова. В глазах Толстого подлинный художник — учитель жизни, надежный советчик людей в поисках истины. Поэтому для Толстого искусство было не праздной забавой, не прихотью, эстетикой, а насущной потребностью, духовной пищей. Отсюда — повывшенная выскальчивость, с которой он подходил к художественному творчеству, считая, что настоящий художник должен показывать жизнь так, как она до него не была никак показана, должен открывать такие стороны действительности, которые людям не были еще известны или не были им замечены, несмотря на то, что немалочисленные льды окружат их на каждом шагу.

Голоса жизни

ОТВЕТ КРИТИКУ ИЗ «ТАЙМС»

В ЛИТЕРАТУРНОМ ОТДЕЛЕНИИ В. ПЕРЦОВ

В центре его обзора — хорошо известная читателю «Антология русской советской поэзии 1917—1957» в двух томах, выпущенная в Гослитиздате в прошлом году, и другой сборник, вышедший в Нью-Йорке под редакцией некоего Владимира Маркова под названием «Приглушенные голоса».

Сборник, вышедший в Нью-Йорке, представляет собой, по-видимому, попытку издать избранные произведения некоторых советских поэтов, то есть тоже своего рода антологию, но с другим критерием отбора, о чем говорит явно полемическое название. Судя по тем оценкам, которые даются этой книге в статье литературного приложения к «Таймс», вполне возможно без большой ошибки составить себе представление и о критерии отбора произведений в американской антологии (будем ее так называть), и о позиции автора критической статьи. Заметим, что последняя является не просто рецензией на издание, указавшие в списке, но претендует на обобщение, о чем говорит и ее название: «Советская поэзия». Автор ее, легко хватывая из огромного материала коллективных поэтических сборников те или другие примеры, хочет иллюстрировать или свои взгляды на развитие советской поэзии. Давно известно, что примеры не являются доказательством, но дело в конце концов не в примерах, а в том, ради чего они приводятся.

Прежде всего английский критик хочет убедить читателя в своем беспристрастии, в том, что его позиция, так сказать, чисто эстетическая и далека от полтики. Он, например, упрекает составителей американской антологии в «боязливости», в стремлении «включить почти все, что совершил в себе одобрение революции»... И он выступает на защиту этих «исключенных» произведений следующим образом: «Поскольку же в насто-

шее время русские поэты, в целом, как бы ни были их оговорки относительно поэзии и чуждой диктатуры в области литературы, по-видимому, не ставят вопроса о форме правления в стране, то равновесие у Маркова, к сожалению, нарушается». И в то же время (делаем вид, что мы не заметили в этой фразе сочувственной оглядки в сторону некоторых наших писателей, подпадавших ревизионизму) критик из литературного приложения к «Таймс» видит в последней советской антологии тоже нарушение «равновесия» в том, например, что по сравнению со «Сборником стихов» 1943 года Маяковский представлен «на одну треть меньше, чем ранее». Дескать, обижает поэта, обижает революцию, а я за него вступаю: с точки зрения поэзии: почему не додали «на одну треть» хороших стихов? Это ли не объективность и беспристрастие?

Поскольку здесь фигурирует цифра, обратимся и мы к статистике: Демьян Бедный занимает в антологии 1957 года 17 страниц, Есенин — 27, Асеев — 18, Тихонов — 20, Багрицкий — 23, Маяковский — 20, Твардовский — 33. Конечно, количественный момент сам по себе ничего не решает, но, если уж на то пошло, — 66 страниц для Маяковского в соотношении с другими приведенными цифрами и в рамках одной книги — не плохой показатель эстетического вкуса составителей антологии. Так что, сколько ни удивительно «беспристрастие» в нашу эпоху страстной идеологической борьбы, но что может быть беспристрастием цифр?

Автор статьи в «Таймс» ради «беспристрастия» упрекает и составителей советской антологии в «исключительной робости» в отборе произведений и авторов. Поскольку он считает нужным напомнить, что «одни из членов нынешнего состава редакционной комиссии приняли участие и в составлении «Сборника стихов» 1943 года (имеется в виду мое участие в этой работе тогда и теперь), то выходит, что члены редакционной 1957 года были более связаны в своем выборе, чем в 1943 году. Но это утверждение столь же несостоятельно с фактической стороны, как и пример с

Маяковским. Ведь всякому известно, что после XX съезда партии мы, исправляя ошибки прошлого, получили возможность включить авторов ряда хороших произведений в последнюю антологию. Таким образом, история работала на хорошую поэзию, а не против нее, как это получается у критика газеты «Таймс», который хочет уверить читателя, что он руководствуется в своих оценках только одним, а именно — эстетическим критерием.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

Кажется бы ни были частные недостатки последней антологии — а я мог бы указать их гораздо больше, чем английский критик, — правильно оценить ее в целом можно только с точки зрения тех идейно-художественных принципов, которые были положены редакторами ее в основу отбора и которые составляют душу советской поэзии. В чем же было для нас главное? В том, чтобы представить поэзию нового общества как поэзию, выражающую чувства и мысли новых советских людей, показать ее в движении, в наиболее типичных и индивидуально значительных образцах эстетики социалистического реализма.

ГОВОРИТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КИТАЯ

В СЕИТАЙСКАЯ ассоциация работников литературы и искусства, союзы писателей, драматургов, композиторов, художников Китая, общества деятелей театрального, хореографического искусства, исследователей народного творчества, работников кинематографии и фотосинтеза — всего десять организаций выступили совместно 7 сентября с решительной поддержкой заявления премьера Чжоу Энь-лая об обстановке в районе Тайваньского пролива.

«Китайский народ», говорится в заявлении творческих работников республики, располагает священным правом и долгом освободить всю территорию нашей родины. Тайвань, Пэнхуэдао, Цзиньминьдао, Мацзюдао и другие острова издревле являются нашей территорией. Китайский народ имеет полное право вернуть себе эти районы всеми надлежащими способами и в соответствующее время. Какое-либо иностранное вмешательство в это дело недопустимо! Американские агрессоры уже длительное время держат под своим контролем Тайвань и острова Пэнхуэдао, Цзиньминьдао, Мацзюдао, они выдвигают различные предложения, пытаются опровергнуть законные права китайского народа на свой суверенитет и территориальную целостность Китая, и под этими предлогами увеличивают свои вооруженные силы в районе Тайваня, произвольно создают угрозу войны, разжигают военные провокации. Этого китайский народ более терпеть не может!

Закаленный в битвах китайский народ не может запугать военными провокациями, новые проныры Соединенных Штатов Америки могут только еще сильнее возбудить его гнев и возмущение.

Заявление призывает всех работников литературы и искусства Китая энергично мобилизовать все творческие силы активно включиться в священную борьбу за защиту родины и мира.

«Мы выражаем неколебимую уверенность в том, что если американские агрессоры будут нагло игнорировать повторное предложение китайского народа и стремление всех народов к миру, будут продолжать вмешательство и агрессивные действия против Китая, попытаются навязать войну китайскому народу, то наш народ не убоится дать им достойный отпор. Американские захватчики будут разбиты истреблены!»

«Победа непременно будет за справедливым и священным делом китайского народа, борющегося за мир во всем мире!» — пекин

СЕГОДНЯ — 14-я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ

Окно в будущее

НА ОБШИРНОМ песчаном пляже отапливают десятки тысяч отдыхающих. На берегу Черного моря сверкают белозолотые здания гостиниц. Это красивые трехэтажные дома. Вступив в холл, сразу испытываешь приятное чувство отдыха: широкая лестница как бы приглашает подняться в верхние этажи, на просторные террасы. Гостиницы — а их здесь более двадцати — построены нашими молодыми архитекторами.

Я начал свой рассказ об этом строительстве в красивом уголке нашей родины потому, что это наглядно показывает достижения социализма в области культуры. Здесь в отдельных небольших домиках и в обширных зданиях отдыхающих строительных рабочих, шахтеры, железнодорожники, члены сельскохозяйственных кооперативов, военнослужащие. Сюда приезжают туристы из многих европейских стран. Здесь можно услышать речь на многих языках. Люди знакомятся, завязываются дружба, укрепляются сердечные отношения, дружеские узы.

Когда народ верит в свое благополучие, его неукротимые силы разливаются поводной рекой. Наш народ был сильно привязан к своей собственной земле. Сейчас в умах людей произошел коренной поворот: они преобладают чувство собственности к «своей земле». Об этом ярко свидетельствуют трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства нашей страны. Люди убеждены, что коллективный труд обеспечивает более высокие урожаи, что сам по себе труд стал неизмеримо легче благодаря механизации сельского хозяйства, что намного улучшились бытовые условия.

Девятое сентября 1944 года — переломная дата в истории Болгарии. С этого дня началось строительство основ социализма. Отсталая страна должна была преодолеть много экономических преград. Немалую помощь в этом оказал наш сосед — СССР. Благодаря поддержке Советского Союза возник новый индустриальный центр — Димитровград: созданы свинцовообработывающие заводы в Восточных Родопях; построены шесть водохранилищ и несколько теплоэлектростанций, были сооружены металлургический завод имени Ленина, свинцово-цинковый завод в Кырджали, медеплавильный в Пирдопе, содовый завод имени Карла Маркса и другие предприятия. Эта

индустриальная база вместе с машиностроительными заводами будет способствовать еще большему развитию земледелия и его механизации.

Соотношение между сельскохозяйственным и промышленным производством приобретает все большее равновесие, что создает возможности для неуклонного экономического прогресса страны. В немалой степени этому будут способствовать промышленные предприятия третьей пятилетки. Будет вырабатываться свыше пяти миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. С расширением химического комбината имени Сталина производство азотных удобрений увеличится настолько, что на каждый декар будет приходится до 20 килограммов, а это в свою очередь повысит сельскохозяйственное производство.

Вырастают новые города с десятками и сотнями тысяч населения. Рабочие поселятся в новых домах со всеми удобствами.

Кораблестроение, аккумуляторный завод, медеплавильный и цинковый заводы, текстильные фабрики и фабрики стекла, консервные, целлюлозные и консервные заводы — все это, вступающее в строй в течение третьей пятилетки, откроет новое окно в будущее нашего народа! Значительно возрастет заработная плата, заметно увеличится покупательная способность села.

Страна переживает большой культурный подъем. Этот подъем явлен и в литературе, стремящейся отразить нашу великую современность. Писатели создают все больше высокохудожественных произведений. Только издательство «Болгарский писатель» ежегодно выпускает по 30—40 сборников стихов и столько же романов и повестей. Журналы для детей и юношества выходят в сотнях тысяч экземпляров. На болгарском языке издаются многие классики мировой литературы, а также прогрессивная литература всех стран. Большое место, естественно, занимают переводы современной советской литературы. На сценах более тридцати театров страны идут пьесы мировой классики и многих современных драматургов.

Успешно решив за годы первой и второй пятилеток задачи построения экономических и культурных основ социализма в нашей стране, болгарский народ охвачен небывалым порывом энтузиазма. Это может наблюдать любой турист, посетивший Болгарию. Стоит побывать в долине реки Струмы, чтобы увидеть, сколько там возникло новых селений с красивыми двухэтажными домами, увидеть, как равнина превращается в сад! Местные жители рассказывают, что в прошлом году крестьяне всей области получили по 30 левов на трудодень! Об этом же гостю услышит и во Фракии, и на Дунайской равнине, и в овековеченных и живописных горных центрах.

Великое дело — построение социализма — болгарский народ осуществляет под руководством своей героической Коммунистической партии, рожденной народом и тесно сплоченной с ним. Наша партия, верная учению Маркса—Ленина, на практике осуществляет многие экономические и хозяйственные мероприятия, вывела страну из состояния глубокой отсталости и привела к культурному подъему все население Болгарии!

Окно, раскрытое в будущее нашего народа, обращено к солнцу. Оно зовёт своими лучами каждую комнату, каждый дом, каждую душу! Таково окно в наше будущее.

СОФИЯ, 8 сентября. (По телефону)

МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ «УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ»

С ЕГОДНЯ на улицах одной из древнейших городов Азии — Пхеньяна особенно оживленно и красочно. Корейский народ празднует 10-ю годовщину образования своей республики.

Десять лет — очень небольшой срок. Три года из них над корейской землей бушевала война, и еще три года пришлось потратить на залечивание глубоких ран, нанесенных на корейской земле. Когда оглянешься на пройденные корейским народом десять лет, поражаешься, как много за этот срок удалось сделать. Сегодня валовая продукция промышленности почти в три раза превзошла уровень довоенного 1949 года. Корейская Народно-Демократическая Республика стала крупным индустриальным центром, который снабжает теперь слаборазвитые страны Азии машинами, станками, оборудованием. Еще больших достижений добились крестьяне при освоении в республике урожаев риса настолько велики, что продовольственной проблемы уже больше не существует. Северная Корея располагает даже излишками риса для вывоза в другие страны.

Большие перемены произошли за эти годы и в области культуры КНДР. В стране почти не осталось неграмотных. Открыты десятки кинотеатров и театров. Растет писательский отряд республики. Имена таких корейских писателей, как Хан Сер Ё, Ли Ги Ём, известны всему цивилизованному миру. Активно участвует в подготовке и конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, корейские писатели выражают свою солидарность со всеми народами, которые сбросили позорное ярмо колониализма, которые продолжают борьбу против темных сил, стремящихся остановить движение истории.

Сегодня мы публикуем подборку стихов корейских поэтов.

АН МАК

Я ИДУ ПО УЛИЦЕ ГОРЬКОГО

Я иду по улице Горького, и кажется мне — зацветают дома, как маки, кумачами знамен

первомайских, и Павел шагает в рядах демонстрантов, и солнце пылающим сердцем Данко трепещет в ладонях кремлевских башен, и к небу вздымается песня о соколке...

Я иду по улице Горького. Я знаю его с детства.

билось сердце его в первых книжках моих, я в далекой Корее прикладывал ухо к земле и слышал его шаг...

А сейчас я в Москве, я иду по улице Горького, и рядом со мной люди, воспетые им, и кажется мне — суровый, сутуловатый, он идет с ними вместе тяжелой походной солдатом, рядом со мной шагает...

Я иду по улице Горького. Я иду по улице Горького.

ФРАНЦУЗСКИЕ газеты сообщают: накануне 28 сентября, дня, когда состоится референдум по новому проекту конституции Франции, в воздух поднимутся десятки самолетов. Следуя приказу правительства, они будут гигантскими буквами выписывать в небе Франции короткое слово: «да»...

Однако отвечает ли эта недолговечная воздушная каллиграфия истинным стремлениям

РЕФЕРЕНДУМ В АЛЖИРЕ, ИЛИ «ВЕСЬМА ПРОСТО»

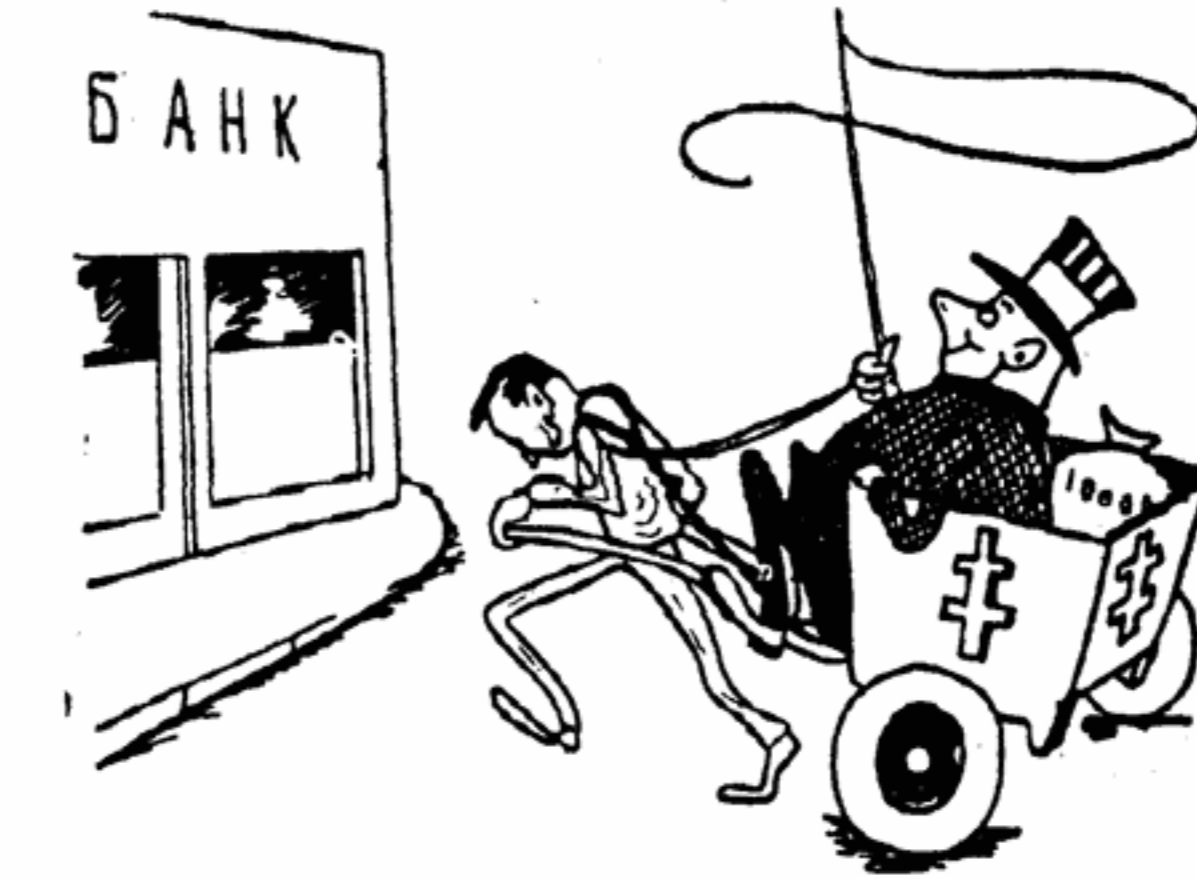

— Ну, разумеется, дружок, ты можешь совершенно свободно голосовать... «за»!

большинства француз? Страницы парижских газет свидетельствуют о другом: убежденные демократы и республиканцы ведут ожесточенную борьбу против угрозы фашизма и реакции, нависшей над страной. Свободолюбивые французы протестуют против конституции, которая урезывает их коренные гражданские права и, согласно меткому замечанию известного публициста Мориса Дюверже, «возвращает Францию ко временам Карла X».

Прошло три месяца со времени прихода к власти нынешнего французского правительства. Вместо обещанных благодатных социальных реформ, с горечью констатирует профсоюзный еженедельник «Ви уриер», французам предельно... очередное повышение цен на продукты питания, а также заплезающий проект «ассоциации труда и капитала». Сопровождающая этот проект жанжевальская делегация об участии рабочих в прибылях капиталистов не в силах заслонить его истинной цели: отдать рабочих и служащих во власть безраздельного произвола предпринимателей.

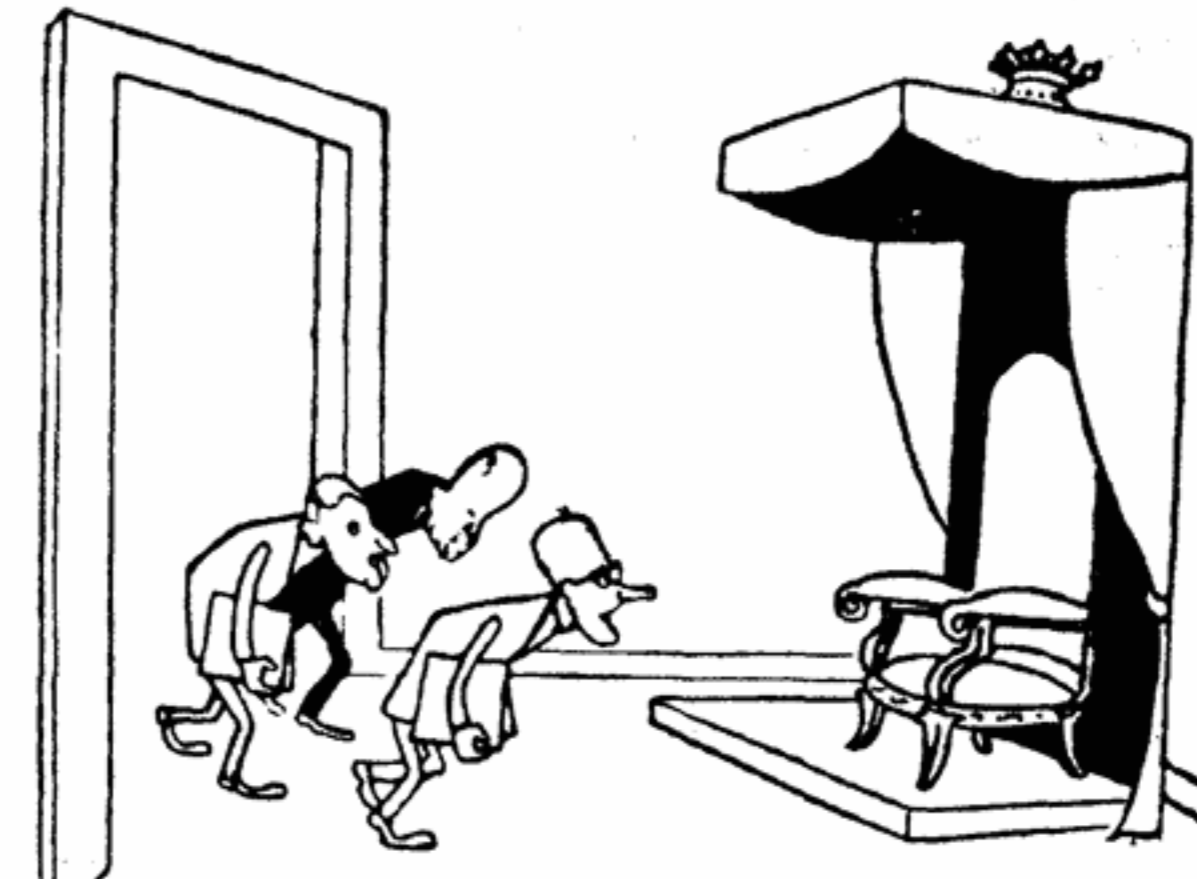
Трехчасов за исход предстоящего референдума, гласит «сильная власть» прилагает судорожные усилия, чтобы добиться одобрения новой конституции жителями французских колоний. В Алжире фашиствующие генералы выработали

— Вот она, наша ассоциация труда и капитала!

твердые инструкции по проведению референдума. Как сообщает газета «Либерасьон», алжирцев поведут на избирательные участки на военных автомашинах. Тех, кто откажется принять участие в голосовании, подвергнут аресту. Таким способом милиция Республики надеются добыть голоса в свою пользу.

Проект конституции позорно ограничивает права парламента и ведет к личной диктатуре главы государства, заявляют французские демократы. «Если в результате референдума будет одобрен новый проект конституции», — сказал бывший министр Жюль Мок, — то будущий президент Республики получит такие полномочия, какими со времени первой революции не пользовался у нас ни один король». С протестом против нового проекта выступили многие другие крупные политические деятели. Бывшие министры Пьер Мендес-Франс и Кристиан Пино объявили о своем решении сказать «нет» на референдуме. Проект новой конституции, указывает член совета Республики радикал Марсель Плезан, «подвергает свободу смертельной угрозе».

Новый проект конституции, или возрождение старых предрассудков.

В накаленной до предела политической атмосфере Франции крепнет и организуется борьба республиканской общественности против попыток похоронить Республику.

Рисунки из французских еженедельников «Канар аншан» и «Франс нувель»

ЧО БЕК АМ

МЕЧТАЯ О ЗАВТРАШНЕМ

Если мне порой бывает трудно, утешаюсь логикой просто: разве то, что есть у нас сегодня, не было, вчера еще, мечтою?

Это я ведь — будущего автор, и в моих ладонях — наше завтра.

Завтра лопнут на деревьях почки, вспыхнут розы, дес — зазеленеет... Что ж, сегодня нам, конечно, трудно, — Было нам вчера еще труднее!

Перевел с корейского Александр ЯНОВ

СЕ МАН ИР

В СЧАСТЛИВОЙ СЕМЬЕ

Хоть на окне красна узор мороза, Уже душа скучает о весне. Сажу я в теплой комнате у друга, его сынок играет перед нами.

Идет малышке только пятый год, до ног отцовский китель с орденами; а он, отца изображая, звонко кричит: «Вперед! В атаку! На врага!»

и машет уморительно ручонкой. И я с улыбочкой дружно говорю: «Коль вновь навяжут нам враги войну,

наверно, будешь ты героем дважды!»

Серьезно, строго отвечает друг: «Придется — вновь возьмусь я за оружие, чтоб никогда сынов войны не знал.

Но для того, чтоб дважды стать герою, уж лучше в поле я за плуг возьмусь!»

Хоть за окном последняя вьюги стоны, — Тепло на сердце. На душе спокойно, Любуюсь я счастливою семьею, что ураган войны перенесла.

ЛИ МЕК

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Вся в красном цвете родины земля, Узоры тнет луч солнца золотистый.

Плывет над полем ветерок душистый, Созревшие колосья шевеля.

Под тяжестью плодов согнулись ветви, Колосья с каждым днем все тяжелей.

А ветерок, так ласков и приветлив, Доносит шепот радостный полей.

О, осень, ты в Корее хороша! Багрянец края моего родного И небо, где отражена душа, — Все для меня, крестьянина простого.

В моих глазах — родного неба свет, И цвет родной земли — в загаре кожи.

Корея, ничего прекрасней нет И ничего нет для меня дороже!

Страна родная, вот мое желание: Пусть будет луг покрыт ковром цветов, Пусть будет неба мирного сиянье

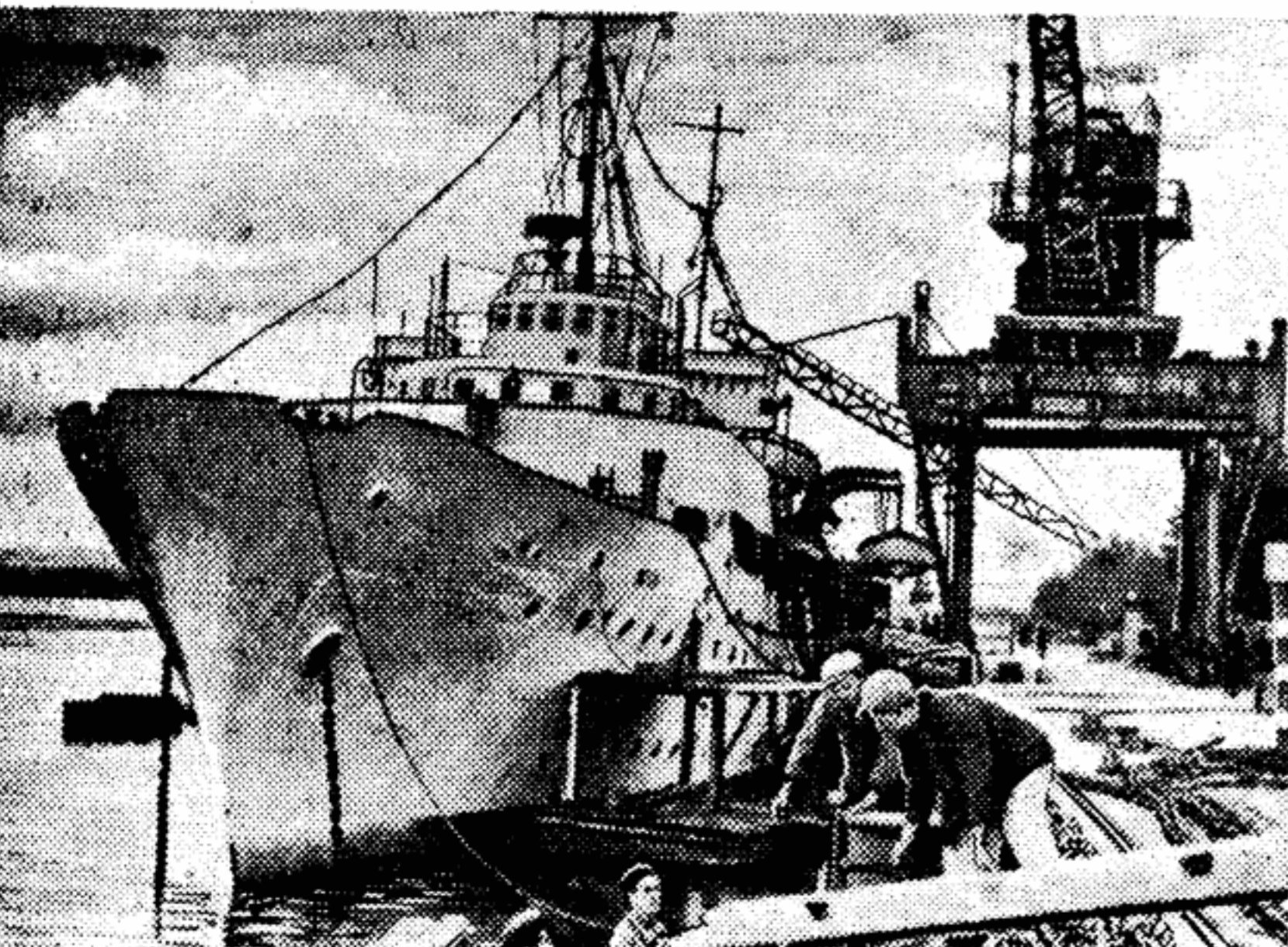
Безоблачно над золотом хлебов!

Отчизна, ты одна во всей вселенной, — Люблю тебя любовью неизменной!

Перевел с корейского Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ В МОСКВЕ

По приглашению Союза писателей СССР и общества «СССР — Италия» из Рима в Москву вчера прибыли первые участники предстоящей встречи советских и итальянских поэтов — Сальваторе Квазимода, Доминико Кадорези и Серджио Солми.

Георгий Димитров. Именем великого революционера болгарский народ назвал города, селения, предприятия. Это имя с честью носит и судостроительный завод в Варне. На нашем снимке: построенный на этом заводе по проекту Любана Веселинова пароход — коллектив рабочих присвоил ему гордое имя «Георгий Димитров».

Много добротных кораблей с марной болгарского судостроительного завода имени Георгия Димитрова плавают по морям и рекам разных стран. Самый крупный заказчик — Советский Союз. В ближайшие годы наша страна получит из Болгарии немало новых кораблей с марной завода имени Георгия Димитрова.

Фото К. ЦЫПЛЕНОВА

Голоса жизни

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Не спорю, в этом цикле Антокольского есть искусные и даже великолепные стихотворения, но многим из них недостает настоящей оригинальности поэта советского общества. И в характере образности, и в поэтике эти стихи напоминают французских «парнасцев», символистов. Сергей Васильев, подметив это, назвал свою остроумную пародию на Павла Антокольского «Вурбаны из Сорбонны». Характерно, что в своих последующих стихах — о Французской революции, о Парижской Коммуне и о советской современности — Павел Антокольский стал решительно истреблять «Поля де Антоколя», своей похлостью на привычные образцы пришедшего к сердцу критику из старинной галлии «Таймс», которая, как известно, любит все привычное.

Мы же предпочли в нашей антологии непривычное, то есть будущее. В поэме Антокольского «Сиян», продолжаясь большие классические традиции, есть драгоценная непохожесть, есть та трагическая, которая характерна для исторического оптимизма советской литературы. Поэтому в антологии советской поэзии — честь и место этой поэме.

АНГЛИЙСКИЙ КРИТИК недоволен подбором произведений в советской антологии таких поэтов, как Борис Пастернак, Николай Заболоцкий, Леонид Мартынов. Это очень разные поэты, и спрос с каждого особый; они друг за друга не отвечают. После сказанного в Бресте и Антокольскому нетрудно понять принцип подхода составителей советской антологии. Главное было — уловить «непохожесть», обусловленную тем, что и эти поэты жили и творили в условиях советского общества. Леонид Мартынов инте-

ресно сказал о «седьмом чувстве», которое воспринимается у людей в нашей стране:

Определить это чувство седьмое Каждый по-своему прав. Может быть, это простое умение Видеть грядущее въявь!

Не так просто предугадать, как приходит к художнику умение «видеть грядущее въявь», — не всегда более поздние стихотворения оказываются и более зоркими. На мой взгляд, скажем, ранние исторические поэмы Леонида Мартынова рождены большим горением идеи и более оригинальны как явления искусства. причина чего, мне думается, в том, что они более локальны по месту и времени действия в стране, где грядущее не только видится, но и творится въявь.

Если у критика глаза на замысле, то в искусстве он может видеть только прошлое, а не будущее. Не удивительно, что в поэзии Николая Заболоцкого критик «Таймс» ставит выше первый его сборник «Стоблицы», в котором было немало детских-претензионных, чем современное возмужание поэта от этапа к этапу, которое мы постарались отразить в антологии: от «классического» упоения небылой государственностью к мотивам новой, социалистической человечности, в которых слышатся и трогательные некроносские ноты. Язь, что в числе стихотворений Заболоцкого не вошла «Старая актриса». Это гораздо более глубокого по мысли стихотворение, чем «Некрасивая девочка». Вот, кстати, один из примеров неудачного подбора стихов в антологии. Однако не эти действительные неудачи привлекают внимание автора статьи в «Таймс». «Стоблицы», пишет английский критик, «даже не упоминаются в би-

ографии советской антология». Досадная, но случайная ли неточность? Ведь на странице 756-й тома 2-го антология в библиографии Н. Заболоцкого сказано: «Первая книга стихов «Стоблицы» вышла в Ленинграде в 1929 г.». Но стихов из этой книги в антологии, действительно, нет. Почему? Да по тем же причинам, почему в ней не представлены «Вурбаны из Сорбонны» Антокольского: ранние стихи Н. Заболоцкого несамостоятельны. Критик «Таймс» справедливо указывает на их зависимость от Хлебникова, говоря, что Хлебников «в футуристическом движении сыграл роль Паунда для Эзота» — Маяковского... И... умер в забвении и нищете, мало сделал до конца того, что бы можно было занести на его счет».

Конечно, сопоставление Хлебников — Маяковский и Паунд — Эзот не выдерживает никакой критики. Поэзия Эзота — лидера английских декадентов с ее центральным образом «сплохих людей», которым нечего друг другу сказать на «бесплодной земле», в самой Англии вызывает сомнение как поэзия. По мнению Ричарда Олдингтона, автора известного у нас романа «Смерть героя», Эзот и Паунд — плохие поэты. «То, что в стихах Эзота принадлежит ему самому, — плохо, а то, что хорошо... ему не принадлежит», — замечает Олдингтон. Конечно, Паунд со своими модернистскими вывертами вполне под паре Эзоту. Но выдерживает ли в голову ставить этого Эзота в один ряд с Маяковским!

Дело, однако, не в неутраченной аналогии английской критики, а в том, что он совершенно правильно почувствовал трагизм творческой судьбы Хлебникова, от которого поэта не спас талант. Но ведь такая же судьба ждала Заболоцкого, если бы он не вырвался из своих «Стоблиц». Почему же критик «Таймс», ретроспективно понимая Хлебникова, утрачивает понимание перспектив в отношении Заболоцкого? В чем смысл его восторгов по-

поводу того, что стихи из «Стоблиц», отсутствующие в советской антологии, обширно приведены в американской? Разве не раскрывается в этом факте специфический, эстетски ограниченный и, стало быть, враждебный большому искусству нашей эпохи подход критика «Таймс» к явлениям поэзии и такой же критерий отбора стихов в американской антологии, недаром названной «Приглушенные голоса»?

Д. А. В СОБРАНИИ избранных произведений советской поэзии мы сознательно пригласили то, что у поэта не является самостоятельным, то есть, в конечном счете, не имеет отношения к действительности, в которой он живет, к той реальной натуре, что должна найти отражение в образе, если перед нами настоящий художник. Общее существует в отдельном, через отдельное — это аксиома диалектики. В каждом нашем поэте нам дорого «лица необщее выражение». Оно проявляется тогда, когда поэт отражает и утверждает в своем творчестве общее, советское.

В нашей поэзии самые дорогие, самые слышимые голоса — голоса жизни, недаром и по сей день «во весь голос» говорит Маяковский.

Похожело, что критик из литературно-поэтической антология «Таймс» понимает значение Маяковского и его роль в современной поэзии. «Сардонические оценки Маяковского Франции и Америки ни в какой мере не были ему навязаны», — пишет он. Но если английский критик столь объективен, то он не может не считаться с тем критерием качества, который сформулировал сам Маяковский, возражая против ислания «просто «хороших» стихов»:

«Я лично по двум жанровым картинкам проверяю свои стихи: Если встанут из гробов все поэты, они должны сказать: у нас таких стихов не было, и не знали, и не умели.

Если встанет из гроба прошлое — белое и реставрация, мой стих должны найти и уничтожить за полноту для белых вредность.

Пропорция этих моментов — пропорция качества стиха».

Здесь есть над чем задуматься. Наши поэтические звезды могут быть разной силы и величины, но по свету их — своему, а не отраженному — сразу должно быть видно, что они принадлежат к нашей, советской Галактике.

АНГЛИЙСКИЙ КРИТИК выступает в своей статье о советской поэзии как судья извещного — «арбитер элеганданарум». Однако, несмотря на стремление быть объективным, его течения мысли фатально сносит в сторону американской антология «Приглушенные голоса». Поэтому он даже не заметил сильного прошлого поэта в творчестве Владимира Луговского: ведь никто не может отрицать, что в его книге «Серпentina века» и «Синяя весна» есть вещи крупного поэтического значения, современность освещена в них с неожиданной стороны. Но ощутил английский критик и скромного, строгого сияния стихов Ярослава Смелякова об эпохе первой пятилетки, о «мильях красавицах России». Ни слова об этих поэтах нет в его статье. О Твардовском английский критик, видно, с трудом выжал одну странно одобрительную фразу, по-профессорски прикрывая его к старинной — древней английской — литературной традиции.

Пастернак — вот для него свет в окошке. Он не согласен с тем, как представляется Пастернак в нашей антологии. Что же, в избранной советской поэзии включены не-

которые его произведения, в которых есть отсвет советской эпохи. Однако английский критик сетует, что не вошли последние стихотворения Пастернака на темы Нового завета и стихи, посвященные Марии Магдалине. Но какое отношение к антологии нового искусства поэтов новой жизни могут иметь религиозные эпитетские стихи Пастернака, от которых несет нафталином из символистского судика образца 1908—1910 годов?

ДЛЯ ТОГО чтобы правильно судить о путях советской поэзии, критику из литературного приложения к «Таймс» нужно понять, что искусство не стоит на месте, что поэзия, как и все на свете, движется. Сфера поэзии не замкнута в самой себе, «вне всяких влияний жизни и ее уклада» — это возмражение Есенина имажинистам хочется переизобрести автору статьи о советской поэзии. Некоторые его утверждения и оценки противоречат его же основной позиции, мешающей ему понять новое в искусстве.

В чем смысл и причина этого? В том, что английский критик пытается завуалировать и что вылезает почти из каждого абзаца его статьи, — в политике, в грубой политике, враждебной всему новому не только в искусстве, но и в жизни, в политике, стремящейся сохранить старое, отживающее под флагом якобы высоких эстетических требований. Не удивительно, что жизнь мстит ему за это потерял понимания и вкуса к развитию поэзии, то есть утратил качества, без которых критик не в состоянии помочь читателю разобраться в том новом, что несет современная русская поэзия с ее глубоко национальным советским своеобразием.

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОХУИН.